

Антонио Фернандес Ортис

ХРОНИКИ ЭСПАРТАНИИ (калейдоскоп судеб)

Антонио Фернандес Ортис Хроники Эспартания (калейдоскоп судеб)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22700476

Хроники Эспартании (калейдоскоп судеб)/ Антонио Фернандес Ортис:

Научная библиотека; Москва; 2016

ISBN 978-5-9909010-1-8

Аннотация

Роман Антонио Фернандеса Ортиса «Хроники Эспартании (калейдоскоп судеб)» является одним из самых важных произведений последних лет в испанской художественной литературе, хотя он и мало известен широкой публике.

Действие романа происходит в Испании на фоне важнейших исторических событий первой половины XX века: гражданской войны 1936–1939 гг. (последняя крестьянская война западной Европы) и послевоенного времени, поменявших жизнь как в деревнях и городках, так и в крупных городах и, в целом, по всей Испании до почти полного исчезновения этого мира.

Это многогранное произведение объединило в себе все самые интересные аспекты художественной литературы: героические и трагические истории, любовные перипетии, описания исторических реалий и исчезнувших укладов жизни, а мастерство

автора и его яркий живой язык, наполняющий необыкновенной художественной силой речь героев, помогают читателям в полной мере почувствовать себя участниками тех далеких событий.

Фотографии взяты из фонда фотографий клуба «Аталая Атино де ла Вилья» и Музея эспарто. Они были предоставлены безвозмездно для публикации в данном издании.

Содержание

Наставление	7
Глава I	10
Глава II	23
Глава III	57
Глава IV	82
Глава V	130
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Антонио Фернандес Ортис
Хроники Эспартании
(калейдоскоп судеб)

Посвящается моим родителям

Антонио и Марии

Наставление

В связи с предсказуемым и умышленным намерением соотнести персонажей и события, описанные в настоящем повествовании, с лицами и историями из реальной жизни, автору не остается ничего другого, как предупредить читателя, что все найденное на следующих страницах является чистым вымыслом и что любая возможная связь между изложенным и реальной жизнью представляет собой случайное совпадение. Реальными являются только некоторые географические названия и созвучие прозвищ или кличек. Первые как знак уважения родной земле. Вторые, которые ни в коем случае не совпадают с реальными именами или лицами, были позаимствованы из коллективной памяти жителей Эспартании в попытке воздать почести тем людям, которые населяли и до сих пор населяют эти особенные земли.

Автор

В течение всего XIX века крестьянское население Испании переживало радикальный процесс лишения своих земель, который оставил миллионы людей буквально с пустыми руками. Эти крестьяне вынуждены были стать мятежниками, разбойниками, бунтовщиками, бандитами, контрабандистами, убивая друг друга вследствие социально-структурного насилия, которое во многих случаях выражалось в фор-

ме столкновений между семьями и семейными кланами.

Лишенные собственного социального и политического проекта, в течение всего XIX в. они участвовали в войнах и конфликтах «других людей». Не имея своего «слова», сначала под крик «Да здравствуют цепи!» крестьяне восстали против современности, которая оставляла их без ничего, а потом принялись сражаться в рядах карлистов, либералов, консерваторов и республиканцев, не осознавая исторического значения этих войн и битв.

Только с наступлением последней четверти XIX века под влиянием великих идей социальной справедливости посредством социализма, анархизма и католических синдикатов начало формироваться политическое сознание этой массы населения, наполовину крестьянской и наполовину пролетарской. В конце концов, эхо русской Октябрьской революции 1917 года, дало «голос» крестьянскому и рабочему миру, выведя его на новый уровень социальной и политической мысли, что позволило объединить в одной идее его миллениаристские принципы о социальной справедливости с проектом о будущем в индустриальном и современном обществе.

Роман Антонио Фернандеса Ортиса «Хроники Эспартании (калейдоскоп судеб)» является одним из самых важных произведений последних лет в испанской художественной литературе, хотя он и мало известен широкой публике.

Действие романа происходит в Испании на фоне важнейших исторических событий первой половины XX века: граж-

данской войны 1936–1939 гг. (последняя крестьянская война западной Европы) и послевоенного времени, поменявших жизнь как в деревнях и городках, так и в крупных городах и, в целом, по всей Испании до почти полного исчезновения этого мира.

Это многогранное произведение объединило в себе все самые интересные аспекты художественной литературы: героические и трагические истории, любовные перипетии, описания исторических реалий и исчезнувших укладов жизни, а мастерство автора и его яркий живой язык, наполняющий необыкновенной художественной силой речь героев, помогают читателям в полной мере почувствовать себя участниками тех далеких событий.

Глава I

Рамиро Валера и Кудряш

Прадед Рамиро Валера, отец бабушки Амалии Хесус Валеры, был человеком слова, отличался добрым нравом и преданностью семье. Двери его дома всегда были открыты для всех нуждающихся. Именно чрезмерное чувство гостеприимства и послужило причиной конфликта с его братом, которого все звали Кудряшом.

Кудряш слыл человеком чести и отличался буйством страстей. Он влюбился в Агеду, девушку из небольшого посёлка Эль-Рольо, находившегося на землях Мурсии, около городка Бульяса, в окрестностях реки Кипар, где семья жила с незапамятных времен. Агеда была девушкой красивой, хорошо сложенной, крепкой – такой, какие нравились деревенским мужикам. Ее пышные формы привлекали взгляды и провоцировали мужчин, ощущавших сексуальность во всех ее движениях. Кудряша, ревнивца, каких не сыскать, из тех, кто держал в кармане наваху¹ из Альбасете, ходил с перекинутым через плечо ружьем и всегда был готов отстаивать свою честь при малейшем намеке, эта безграничная женская чувственность делала особенно нервным и яростным.

На Агеду положил глаз крестьянин из соседнего городка

¹ Наваха – испанский складной

Сеехин. Точно никто никогда не знал, как этот человек попал в поселок Эль-Рольо и увлекся Агедой. Никто уже даже не помнит имени незнакомца. Сходя с ума от глаз и бедер Агеды, он решил рискнуть и испытать судьбу, хотя его и предупредили о том, что этой девушки добивался Кудряш.

В Эль-Рольо существовала символическая традиция про-давать с торгов право потанцевать с незамужними девуш-ками, даже если у них и были женихи. Но жители посёлка знали, что есть предел наглости, и всегда чувствовали тот момент, когда один должен уступить на аукционе другому. Возможно, чужаку это было неведомо. По словам очевидцев, помнящих эту историю, кто-то из мужиков дал ему понять, что он пересекает опасную черту. Однако женщины расска-зывали также, что его глаза продолжали блестеть от желания и вожделения, вызванных Агедой. Одним весенним вечером незнакомец не сумел или не захотел остановиться на аукци-оне. В порыве смелости и расточительности он похитил пер-вый танец с Агедой у Кудряша, почувствовавшего себя глу-боко униженным.

Несмотря на всеобщее ожидание, Кудряш повел себя бла-горазумно. Терзаемый сильной злостью изнутри, но все же сдерживая себя, он подошел к незнакомцу и сказал:

– Крестьянин, предупреждаю тебя, у Агеды есть с кем тан-цевать, не прикидывайся слишком умным, ежели не хочешь, чтоб я вспорол тебе кишки своей навахой.

Чужак ответил, не теряя хладнокровия:

– Пускай Агеда сама решает, коль она не отказалась танцевать со мной...

И он подмигнул Кудряшу, снова направляясь в сторону девушки.

Незнакомец играл со своей жизнью, о чем сказали ему несколько человек из посёлка. Но тайная улыбка и глаза Агеды рассеяли все его сомнения. Эта девушка явно *чего-то* от него хотела.

* * *

Прошло несколько дней, и снова были организованы танцы. Чужак пришел. Все этого ждали. Особенно Агеда. Кичась своими деньгами, он снова выиграл аукцион у Кудряша, который, почувствовав унижение, засунул руку в карман, где держал наваху, и с силой сжал ее. Сразу после танцев вместе с другими мужиками, своими друзьями, он подошел к незнакомцу и выпалил:

– Последний раз говорю тебе. Оставь Агеду в покое, иначе я убью тебя.

Чужак пристально посмотрел ему в глаза. Смочив губы кончиком языка, он довольно долго молчал, как будто обдумывая ответ. Казалось, что пауза длилась вечность. Затем крестьянин достал заткнутую за пояс двустволку и, взводя курок, ответил Кудряшу:

– Так вот, послушай, что я тебе скажу. Прежде чем ты

убьешь меня, я убью тебя.

И он в упор выстрелил в Кудряша – тот попятился назад и упал, покотившись по земле.

Незнакомец был напуган еще до того, как прозвучал выстрел. Ему еле хватило времени, чтобы удрать, воспользовавшись ночными тенями. А друзья Кудряша не успели отреагировать. Когда они бросились бежать вслед за крестьянином, того уже и след простыл. Никто не знал, куда он запропастился.

В Эль-Рольо, как и во всех деревнях и посёлках в сельской местности, дома никогда не запирались на ключ. В одном из таких домов, убегая, спрятался мужик из Сеехина. Веря в удачу, он надеялся, что его никто не заметит и он сможет переждать необходимое время, а потом скрыться. Об Агедо он уже не вспоминал. Мужик думал только о том, как спасти свою шкуру. Возможно, когда пройдет время, он сможет снова ее увидеть. Но сейчас для него было важно спастись бегством. Крестьянин вошел в дом. Казалось, что там никого не было. Наверное, хозяева еще не вернулись с танцев. Поднявшись на чердак, он нашел место рядом с окном, чтобы выпрыгнуть на улицу, когда это будет возможно. Вероятно, на рассвете.

* * *

Прадед Рамиро узнал на танцах, что в его брата выстре-

лили в упор во время спора из-за Агеды. Услышав рассказ свидетелей, прибывших к нему, чтобы поставить его в известность, Рамиро Валера не сомневался в том, что его брат умер. Он не стал терять время и смотреть на тело, а сразу направился домой, чтобы найти ружья и отправиться на охоту за крестьянином. Он был так зол, что первым хотел дважды выстрелить незнакомцу в живот, чтобы тот умер медленно, вдыхая запах экскрементов своих собственных кишок.

Рамиро Валера вошел в дом, схватил ружье, которое держал в спальне, затем поднялся на чердак, в верхнюю часть здания. Он хотел взять еще два ружья, хранившиеся в сундуке на чердаке. Рамиро собирался дать их двум сыновьям двоюродного брата Мигеля, вызвавшимся помочь в поисках чужака. При свете коптилки он едва мог различить силуэт человека, спрятавшегося между стеной и сундуком с оружием. Рамиро вскинул ружье на плечо, готовый выстрелить при малейшем сомнении.

– Кто тут? Отвечай или убью тебя прямо там...

– Не стреляй, божий человек. Я никакой не вор. Мое единственное преступление состоит в том, что я убил подёнщика², который мне угрожал.

Из потаенного места уверенно звучал голос незнакомца, приближавшегося к собеседнику в ходе разговора.

– Надо ж, так, значит, это был ты? – сказал прадед Рамиро Валера. – Ты знаешь, кто я? – спросил он.

² Подёнщик – наемный работник с подённой оплатой.

– Нет, не представляю, но думаю, что ничего хорошего от тебя ждать не придется! По крайней мере, так мне говорит черное дуло твоего ружья, когда оно в меня целится.

– Я брат умершего. Тебе не повезло. Ты пришел затаиться в моем доме и значительно облегчаешь мне дело.

– Не облегчаю и не усложняю, это просто судьба. Она меня сюда привела. Может быть, Бог пожелал, чтоб меня убил ты...

Сказав это, он снова сел на пол, даже не воспользовавшись своим ружьем, как будто ему было совсем не важно, что произойдет дальше.

Рамиро Валера решительно поторопил его:

– Хватит, вставай, пошли вниз! Поглядим, убью я тебя или нет.

Спускаясь по лестнице с чердака, они слышали, как поток людей приближался к дому Рамиро. Один голос вызвал у прадеда мурашки.

* * *

Кудряш закричал с улицы:

– Окружайте дом, чтоб этот обреченный не сбежал, а я-то уж не промахнусь.

Рамиро Валера вышел на улицу и столкнулся со своим братом. Никто не знал, как произошло чудо. Кудряш был жив. На самом деле незнакомец промахнулся, и часть па-

тронной дроби пролетела мимо. Правое плечо Кудряша и верхний участок груди были в крови. Под кровавым месивом, которое он показал своему брату, проглядывали кости плеча и руки. Выстрел дробью вырвал у него большие куски кожи и мяса.

В момент ранения Кудряш потерял сознание и остался лежать неподвижно, истекая кровью, поэтому все подумали, что он уже умер. Несколько мужиков понесли его домой, почти волоча за собой, а несколько женщин сопровождали их, причитая, включая саму Агеду. Кое-кто из жителей считал, что она виновата в случившемся, и открыто упрекал ее в безответственности.

Агеда уже представляла себя незамужней на всю жизнь. Она думала, что навсегда останется в девках. Незнакомец уже не рискнул бы вернуться, а в посёлке никто не отважился бы взять ее в жены. В лучшем случае она могла бы тайком сбежать с чужаком, но это подразумевало бы отказ от традиционной свадьбы и, как следствие, от нормальной жизни. На самом деле Агеда мало задумывалась о Кудряше. Она сожалела о его смерти, но плакала без отчаяния женщины, которая потеряла большую любовь.

Тело Кудряша было запачкано землей и грязью. Оно истекало кровью. Никто не знал, что делать: то ли обмывать его и готовить к захоронению, то ли ждать жандармов. Все же решили его обмыть, одеть в траурный костюм и подготовить к похоронам на следующий день. В любом случае сельчане

уже подняли и переместили труп безо всякого на то разрешения властей. Они были там властью.

Бездыханное тело положили на крыльце дома, на большом столе, где забивали свиней. Там его собирались сначала обмыть, а затем отнести на кровать, чтобы одеть в траурный костюм. Женщины нагрели воду, достали белые простыни, полотенца и лучший костюм Кудряша, который лежал у него в сундуке. Несколько соседей начали одновременно обмывать его лицо, грудь, бедра, мужские принадлежности, сильные ноги. Агедэ не позволили помочь: она была девственницей и в то же самое время непосредственной скорбящей. Бедняжка безутешно плакала, никто не знал, из-за усопшего ли или из-за мрачного будущего вдовы, так и не вышедшей замуж.

Что бы сказал Кудряш, увидев себя на столе для забоя животных, на котором он самолично обезглавил столько свиней своим разделочным ножом?! Завершив обмывание, ему туго перевязали рану, чтобы она не кровила и не испортила костюм. Несколько мужиков перенесли Кудряша в постель, где женщины стали его одевать. Прошло уже много времени, они привыкли к присутствию смерти. Когда закончили одевать покойника и собрались было надеть на него новые туфли, одна из женщин истошно закричала: мертвец открыл глаза.

– Пресвятая Дева Мария... он ведь воскрес, – ахнула другая соседка.

Никто не верил тому, что видел. Напуганные, они выбе-

жали из комнаты, будто души, которых забирал Дьявол.

– Воскрес, Кудряш воскрес! Чудо, чудо! – кричали в доме и у входной двери.

Один из мужиков, что был в доме и готовил заупокойное бдение, начал бранить тех, кто кричал, выбегая из комнаты.

– Замолчите, черт возьми, не болтайте глупостей. Вечно вы со своими историями святош...

Однако это были не выдумки. Хотя о чуде речь тоже не шла. В любом случае чудо произошло раньше, когда незнакомец промахнулся и часть патронной дроби пролетела мимо тела Кудряша. Как сказал врач на следующий день, «рана серьезная, и имеется риск потери руки, но она не должна быть смертельной, если не будет никаких осложнений».

Кудряш поднялся с кровати и, спотыкаясь, направился в столовую, где собрались мужики.

– Сволочи, вы уже хотели меня похоронить, да к тому же живым. Но вы ошибаетесь. Кудряш еще надолго тут останется. Где этот незнакомец, сукин сын? Трус, подлюга, выстрелил в меня, не дав мне среагировать.

Он схватил свое ружье и, шатаясь, будто пьяный, вышел в траурном одеянии, даже не сняв костюм, который на него надели для захоронения. Мужики, стоявшие возле дома, не верили своим глазам. Они подбежали к Кудряшу и, выслушав его спешные объяснения, поняли, что произошло и куда он шел – убить своего обидчика!

Вскоре к нему присоединились другие мужики: те, кто

уже искал незнакомца, и те, кто ожидал прадеда Рамиро Валеру, который как брат покойника должен был отомстить. Вдруг пришел Хасинто, один из друзей семьи, и сказал:

– Мой сын видал, как чужак спрятался в доме твоего Рамиро. Пойдем, он залез в волчье логово, сам того не подозревая.

Услышав это, один из присутствовавших добавил:

– А ведь Рамиро пошел в свой дом, чтоб взять ружья...

Кудряш скомандовал:

– Все к моему Рамиро, как бы этот чертяка не убил брата.

* * *

Когда Рамиро Валера открыл входную дверь и увидел своего брата, он его обнял.

– Брат, я думал, что ты умер. Как я рад тебя видеть.

– Это был всего лишь испуг, – сказал Кудряш. – Но этой сволочуге мы зададим жару. Где он? Хасинто сказал, его сын заметил, как он вошел в твой дом. Ты его видал?

– Да, видал. Не бойся, он связан и находится в надежном месте. Нам надо подумать, что мы будем с ним делать.

– Да убьем его, черт возьми, что ещё с ним делать после того, как он выстрелил в меня без предупреждения. Этот тип – трусливый индюк, который не дал мне времени ни отреагировать, ни защититься.

– Ну, сейчас нет нужды его убивать, ведь ты жив. Припуг-

нем его и передадим жандармам, ежели хочешь.

– Жандармам мы ничего не должны. Это дело мы порешим между собой, всадив в него четыре пули, чтоб он сдох как собака среди кактусов. Не забывай, что этот мерзавец уж несколько недель норовит увести у меня Агеду. Чего он хотел? Жениться на ней после похорон? К тому ж у меня есть еще огромное желание всадить четыре пули в эту курву Агеду, чтоб она катилась в ад вместе со своим заезжим ухажем.

– Послушай, брат, давай лучше успокоимся. Убив этого типа, мы ничего не выиграем. Ты жив, а это самое главное. Все произошло в разгар танцев, на глазах у всех, и, ежели ты его убьешь, тебя посадят или даже могут повесить. Какая в этом надобность? К тому ж этот человек забрался в мой дом в поисках укрытия. Не могу я его убить. Это идет вразрез с нашими обычаями.

– Слушай, брат, не болтай глупостей, этого типа мы убьем, и все тут. Мы здесь все взрослые люди, и никто не пойдет стучать жандармам. Убьем его, и делу конец. Выводи его.

* * *

Братья к согласию не пришли, а остальные мужики из посёлка не решились вмешаться в семейное дело. Прадед Рамиро Валера не захотел и не выдал незнакомца, потому что считал, что уже не было необходимости убивать беднягу. К

тому же тот человек укрылся в его доме, и это было очень важно для прадеда. Он знал, что, даже если бы его брат умер, он не смог бы убить чужака после того, как тот переступил порог его дома, и, конечно, не мог выдать его разъяренным мужикам. Это нарушило бы его собственный моральный кодекс и обычай предков. Ведь они не дикари!

В ту ночь оба брата крепко повздорили. Они разругались на всю жизнь. Рамиро Валера не выдал незнакомца. Кудряш не решился вторгнуться к своему брату, но окружил его дом с наиболее преданными ему людьми, чтобы помешать чужаку выйти.

Никто никогда не узнал как, но незнакомец все же смог убежать из дома. Кто-то говорит, что Рамиро Валера дал крестьянину уйти, увидев, что его брат жив, еще до того, как встретился с ним на пороге своего дома. Другие говорят, что прадед вывел его через свинарник и кактусы незадолго до наступления рассвета, когда мужики, уставшие от беспокойной ночи, забылись продолжительным сном до восхода солнца.

Оба брата перестали разговаривать друг с другом. В течение оставшейся жизни они делали все возможное, чтобы не встретиться ни на танцах, ни в церкви, ни на редких улицах посёлка, ни на сельских тропах. Первым умер прадед Рамиро Валера. Он тяжело заболел и знал, что уже не вылечится, он это чувствовал. Рамиро попросил позвать своего брата Кудряша, чтобы попрощаться с ним. Но тот не пришел. Он столько лет точил зуб на брата, что это отравило его ду-

шу, и, хотя он сгорал от желания его увидеть и попросить у него прощения, гордыня не позволила ему это сделать. Кудряш только украдкой выглянул из окна, чтобы посмотреть на погребальную процессию своего брата Рамира Валеры, который помог ему не стать преступником и в лучшем случае не окончить свои дни в тюрьме. С тех самых пор и до своей смерти он чувствовал себя ужасно одиноким, болезненно одиноким. Грусть наполнила его душу, и он умер, измученный, тринадцать месяцев спустя.

* * *

Вскоре после перепалки Кудряш все-таки женился на Агед, простив ее. Девушка в свою очередь поклялась больше ни с кем не заигрывать. У них было несколько детей, которые уже с детства поддерживали родственные отношения со своими двоюродными братьями и сестрами, детьми Рамиро Валеры. Ссора родителей не распространилась на их детей. Эта дружба продолжала крепнуть с годами и в следующем поколении стала чем-то совсем иным – две внучки Кудряша, Долороса и Хуана Мария, вышли замуж за двух внуков Рамиро Валеры, Дамиана и Рамиро. Но это уже другая история.

Глава II

Антон Красный

Дед Антон Красный родился прежде, чем закончился век. Кличка Красный досталась ему от семьи отца – прадеда Дамиана Красного. Семья деда была бедной. Огромное количество детей в каждом поколении заставило родственников разделить земли на мельчайшие участки таким образом, что каждому внуку прадеда Дамиана досталось лишь по несколько таулей³ суходола⁴, которые едва ли давали несколько селеминов⁵ пшеницы или ячменя. Антон Красный получил скромное наследство, поэтому с ранних лет вынужден был наниматься подёнщиком, рабочим или шахтером.

Он из тех мужиков, что были одновременно крестьянами и рабочими, из тех, кто привносил в городской и промышленный трудовой мир сельское поведение и мировоззрение.

Хотя в истории происхождения клички не было политических мотивов, дед был красным. Никто не знает, когда он им стал. Возможно, дедушка уже родился красным. И он никогда не переставал им быть, даже после горького поражения 1939 года. Ему нравилось повторять с завидной энерги-

³ Тауля – испанская сельская мера площади, равная 1118 м.

⁴ Суходол – безводная долина, имеющая влагу только от дождевых вод и снега.

⁵ Селемин – испанская мера площади, равная 537 м² (уст.).

ей, что, хоть он и был побежден, но так и не сдался. Это было правдой. Дед Антон продолжал бороться до самой смерти. Символом же этой постоянной борьбы стал тот факт, что он ни разу не сдал своего оружия.

* * *

С ранних лет, если не сказать с детства, Антон Красный начал работать подёнщиком. Сначала он ухаживал за скотом: порой за овцами, иногда за козами, а также за обозными животными. Затем постепенно освоил ремесло подёнщика в поле, и перво-наперво – работу жнеца. Каждый год он сначала косил в полях Кахитан, а затем поднимался в Ла-Манчу, где работал до конца сенокосного сезона. Только в некоторые годы он косил на полях Съесы, но там работы было мало. Дед также жал рис в полях Каласпарры, где выращивают самый лучший в мире рис «бомба». И, конечно же, он доходил до Королевства Валенсия, как ему нравилось говорить, чтобы тоже жать рис. Это было одно из его самых любимых мест работы, хотя он всегда отмечал, что жатва риса была более трудоемким занятием, чем жатва пшеницы или ячменя.

Также дед Антон вел еще и ремонтные работы на некоторых участках канализационной системы Мадрида и занимался прокладкой и строительством канала Тайбиля. Однако больше всего его привлекала работа шахтера. В течение многих лет он трудился на шахте по добыче железа, кото-

рая находилась между Эль-Чапаралем и Эль-Рольо, а также на шахтах Хилико, чуть подальше Эль-Рольо, в направлении Каласпарры.

Там он освоил ремесло бурильщика. Дед обладал особой способностью, даром, который сохранил в течение всей жизни. Некоторые говорили, что у него *глаз-алмаз*, поэтому он был настолько востребован как бурильщик. Слава о его таланте распространилась по всему региону, и всегда, когда была какая-нибудь инженерная работа, приходили к нему, даже когда он уже отошел от дел. Так было на работах в Эль-Сальто-де-Альмаденес, где он бурил всю штольню подземного канала, проводящего воду от платины Ла-Мулата до места сброса воды, а также в Эль-Сальто-дель-Прогресо, где его шпур⁶ открыли канал, ведущий воду от плотины Ла-Ойя-Гарсия до турбин, которые сбрасывают ее ниже по течению. Эта профессия деда всегда тяготила бабушку Амалию Хесус. Она очень боялась, что какой-нибудь шпур его разорвет. Страх усиливался с годами и в конце концов превратился в панику, возникающую всякий раз, когда приходили за ним уже старым и рассеянным. К счастью, у деда никогда не было промахов.

Антон Красный всегда использовал небольшое количество шпуров, чтобы двигать землю. Приехав на место, он тщательно его изучал. Дед говорил, что видит землю изнут-

⁶ Шпур – искусственное цилиндрическое углубление в горной породе для размещения зарядов при взрывных работах.

ри, что земля указывает ему, в каком месте нужно устанавливать шпур. Своим *глазом-алмазом* он проникал в структуру почвы и почти без усилий и, что было важнее, с малым риском для всех делал несколько почти совершенных срезов, которые исключали любые возможные обрушения. Во время порученных ему работ никогда не было никаких непредвиденных разрушений.

В какой-то момент Антон Красный вступил в профсоюз. Он точно не помнил когда. Возможно, это случилось в разгар одного из конфликтов по повышению заработной платы. Однако деда всегда больше всего интересовали глубоко нравственные аспекты рабочей борьбы. Он постоянно говорил о справедливости и равенстве. У него были высокие представления об этих понятиях. Даже когда выступления были узконаправленными, посвященными требованиям по повышению заработной платы, Антон Красный старался вынести на обсуждение вопросы социального характера. Особенно важными были те, что касались трудовой безопасности рабочих, а также времени на подготовку и обучение самых молодых специалистов и детей шахтеров. Он всегда говорил, что спасение рабочих состоит в умении читать и писать.

Насколько Антон Красный был востребован как бурильщик, настолько же он стал известен и как член профсоюза. Дед также состоял в Испанской социалистической рабочей партии, а после русской революции 1917 года сделался интернационалистом и был одним из первых членов Комму-

нистической партии Испании. Его популярность осложнила ему отношения с хозяевами шахт и Жандармерией. Порой Антон Красный был вынужден скрываться, поскольку в определенные периоды за ним пристально следили. Власти надеялись, что он совершит какую-нибудь ошибку и это позволит им упрятать его за решетку.

Дед не умел ни читать, ни писать. Но он помнил наизусть большие отрывки из «Дон Кихота» и других классических произведений испанской литературы. И даже знал целые главы из «Пиноккио», которые в различных придуманных им вариантах рассказывал детям в виде сказок. Антон Красный выучил их, когда слушал, как другие люди читали вслух в Эль-Рольо. Тот факт, что он не умел ни читать, ни писать, не помешал ему активно участвовать в организации Партии и профсоюза в ближайших районах. Днем дед работал на шахте, а ночью проезжал много километров, чтобы вести свою политическую и профсоюзную деятельность. В один особо опасный период, в годы диктатуры Примо де Риверы, Жандармерия, которая уже знала о работе Красного, устраивала засады, чтобы задержать его. Они хотели поймать деда с личным.

Но Антон Красный не давал себя схватить. Он сбивал жандармов с толку своей изобретательностью. Они не понимали, как он может работать днем на шахте, а ночью быть на расстоянии многих километров, председательствуя на собрании Партии или профсоюза. У деда не было машины, ко-

торая позволила бы ему такого рода передвижения, к тому же шоссе и подъездные дороги к шахтам, где он работал, были под контролем жандармов.

Антон Красный покидал шахту и возвращался на нее, используя в качестве транспортного средства постоянно работающий и днем и ночью фуникулер, на котором перевозили минералы до железнодорожного вокзала в Каласпарре. Дед забирался в одну из вагонеток и спрыгивал в заранее оговоренном месте, где его встречали сподвижники. После собрания и других мероприятий они провожали Антона Красного до фуникулера, который снова отвозил его на шахту.

Жандармы долго не могли разгадать загадку. Но в конце концов им это удалось, и они ликовали.

– Теперь-то мы его схватим, – говорил сержант Жандармерии. – Как только он снова залезет в фуникулер, мы отключим электричество, он окажется в ловушке и не сможет сойти. Мы зададим ему по полной.

Жандармы планировали задержать фуникулер на рассвете. Чтобы пресечь побег, они поставили посты наблюдения по маршруту вагонеток на безопасном расстоянии от шахт. Но стражи порядка плохо рассчитали время и очень долго пытались отключить электричество. Вместо того, чтобы сделать это в таком месте, где расстояние между вагонетками и землей было бы очень большим и никто не решился бы спрыгнуть, они обесточили дорогу, когда вагонетка с Красным проезжала по склону одной из ближайших гор. И в до-

вершение всего в той зоне не было установлено наблюдение.

Когда прошло некоторое время, а электричество так и не восстановилось, дед догадался, что все это было организовано, чтобы его схватить. Он выбрался из вагонетки и спрыгнул на землю на склоне горы. Понимая, что это была ловушка, Антон Красный через поля вернулся на шахту вместо того, чтобы пойти на собрание профсоюза. Жандармы увидели вдалеке его прыгающую тень, освещенную полной луной.

Этот же способ передвижения дед использовал и для земных потребностей. Красный имел славу сердцеда. Никто не знает, почему он всегда пользовался вниманием женщин, ведь он не был особо красив. Естественно, бабушке Амалии Хесус не нравилось, когда до нее доходили пикантные истории, обсуждаемые в посёлке и ближайших окрестностях. Тем не менее она всегда относилась к этим случаям с пониманием и никогда не устраивала скандалов, даже наедине с дедом. Бабушка говорила, что лучше поделиться таким добрым и храбрым мужчиной, чем потерять его.

* * *

Антон Красный был противником насилия, несмотря на то что всегда носил с собой наваху, пистолет, а иногда и ружье. Он никогда не участвовал в многочисленных прениях и ссорах, возникающих из-за женщин, воды или границ участков. Возможно, история прадеда Рамиро Валеры и Кудряша

послужила в семье примером того, что нельзя делать. Оружие он носил для защиты. К тому же это было для него делом чести. В те времена безоружный человек был никем на территории Эспартании. Позже, в годы политической активности, было рискованно носить оружие, поскольку это могло стать прямым поводом для того, чтобы оказаться за решеткой. Особенно это касалось пистолета. Но быть безоружным, когда жандармы наступали тебе на пятки и любили нажимать на курок, также было рискованно. В нескольких случаях деду пришлось выстрелить в них пару раз, но мимо, только чтобы припугнуть. И, кстати, это дало результат. У жандармов был условный рефлекс, как у собаки Павлова: когда звучал выстрел, они бросались ничком на пол.

Несколько раз в профсоюзе возникал спор о необходимости прямых действий, таких как в НКТ⁷. Дед участвовал в подобных спорах в качестве лидера профсоюза и опытного бурильщика, но он всегда был против применения насильственных мер и наотрез отказывался использовать эти методы. Антон Красный, как правило, говорил, что рабочие не могут вести себя так же, как хозяева, что насилие не является средством политической борьбы. Рабочие не дикари и не убийцы.

Только однажды, в 1934 году, все вышло из-под контроля на шахтах, где работал дед, что было отголоском Астурийских событий. Жандармерия захотела задержать наибо-

⁷ НКТ – Национальная конфедерация труда.

лее активных. По их словам, это были предупредительные аресты. Но шахтеры не дались. Они установили баррикады на подходах к шахтам, вырыли траншеи, достали оружие, которое было у каждого из них, а дед и другие бурильщики подготовили почву, чтобы везде заложить динамит в случае необходимости.

Зазвучали фугасы, и жандармы смылись так быстро, что их треуголки едва сверкали вдали. Прошел слух, что они получат подкрепление и нападут на шахты. Но дело не зашло так далеко. И самое любопытное, что позже, когда все успокоилось, они задержали всего лишь четыре или пять человек. Жандармы хотели поймать и Антона Красного, но не нашли его. Деда не было дома, а они понятия не имели, где его искать. Красный же, зная, что его будут разыскивать, особенно после демонстрационных взрывов фугасов, благоразумно предпочел спрятаться. Он ушел в горы, и в течение нескольких месяцев о нем не было ни слуху ни духу. Только иногда ночью дед, идя на риск, приходил навестить семью и уходил до рассвета. Затем обстановка стала спокойной, и он открыто появлялся в посёлке, продолжая испытывать судьбу. Никто не реагировал. Однажды он столкнулся с парой жандармов, с которыми был знаком, они поприветствовали друг друга и обменялись табаком. Жандармы склеили себе несколько сигарет, и дед дал им прикурить от веревочной зажигалки с тем же фитилем, которым зажег фугасы.

– Да, Красный, давненько мы не виделись, куда ты запро-

пал?

– Ну, где мне быть? Работал далеко отсюда. Это единственное, что мы, бедняки, умеем делать.

После этого короткого разговора дед подошел к шахте. Все его поприветствовали, кто-то ему подмигнул. Он приблизился к одному из управляющих.

– Хосе, есть для меня работа?

– Надо ж, Красный, ты здесь? Давненько не виделись. Ну да, приятель, для тебя всегда есть работа. По мне так можешь начать прямо сейчас, ежели хочешь.

После этих слов дед пошел посмотреть землю на участке, на который ему указал управляющий. И никто не вспомнил о том, что произошло несколько месяцев назад.

За исключением двух или трех семей, включая семью Амалии Хесус, в Эль-Рольо все были красными. Одни состояли в ИСРП⁸, другие – в КПИ⁹, самые юные – в молодежных организациях. Победа Народного фронта была отмечена очень шумно. В посёлке были организованы танцы, и мужики без перерыва стреляли в воздух из своих пистолетов и ружей.

Но веселье длилось недолго. Когда пришли новости о восстании Франко, страсти накалились. Самые молодые решили защищать Республику с оружием в руках. Организация объединенной молодежи в Эль-Рольо в полном составе собра-

⁸ ИСРП – Испанская социалистическая рабочая партия.

⁹ КПИ – Компартия Испании.

лась оборонять Мадрид. Все они были мальчишками, которым едва исполнилось 18 лет. Секретарем молодежной организации в Эль-Рольо был 17-летний дядя Дамиан. Когда он рассказал об этой идее Антону Красному, своему отцу, тот безоговорочно ее отверг.

– Ну куда, черт побери, вы поедете? Да вы же все ещё дети. Вы останетесь здесь, и посмотрим ещё, как дело пойдет. Потом, когда все немного прояснится, мы поглядим, как поступить.

Но дядя Дамиан был непреклонен.

– Отец, мы уж все организовали. Мы поедем с вашего согласия или без него.

– Да ладно, что вы там организовали?

– Ну, больше, чем организовали, все решили. Мы украдем грузовик в Бульясе, и все члены молодежной организации поедут защищать Мадрид. Мы запишемся добровольцами.

– Но вы ведь даже не умеете водить. Кто поведет грузовик-то?

– Это нас меньше всего волнует. Каоба однажды водил машину. Он говорит, что немного помнит, как это делать, что все машины одинаковы в управлении. По пути отсюда до Мадрида у него будет достаточно времени, чтоб научиться.

– Вы с ума посходили. И как вы собираетесь достать грузовик? Вы думаете, его вам дадут просто так, по-хорошему.

– По-хорошему или из-за этого, – Дамиан показал деду пистолет, – это мы увидим. Так или иначе мы заберем гру-

ЗОВИК.

Антон Красный довольно долго молчал. Он ходил взад-вперед, думая о чем-то. В конце концов подошел к своему сыну и сказал:

– Ты уже мужчина, я не стану тебя задерживать. Ты должен знать, что, ежели ты сейчас уйдешь, то, скорее всего, не вернешься. Больше вероятности в том, что тебя убьют, чем в том, что ты вернешься. Возможно также, что ты вернешься только с одной ногой или без обеих ног, что на самом деле будет хуже, чем ежели бы тебя убили. Я абсолютно уверен. Скажи об этом своим друзьям. Не все воротятся. Вы должны знать об этом, хотя сейчас не отдаете себе отчета, и вам это кажется невероятным. Вы идете на войну, на которой понесете большие потери. Грузовик я беру на себя. Чем меньше вы засветитесь здесь, тем лучше. Вы ещё очень молоды, и вам рано заводить врагов. Война, независимо от результата, однажды закончится, а потом, ежели повезет, те, кто выживут, должны будут продолжать жить здесь. Попрощайся с матерью.

Антон Красный взял пистолет и ружье, а потом разыскал нескольких товарищей по профсоюзу. Среди них был Лукас, который умел водить и который больше, чем один раз, снимал его с подножки фуникулера. Они отправились пешком до Бульяса. Там дождались, пока наступит ночь, глухая ночь, предпочитая украсть грузовик ночью, а не днем, чтобы не сталкиваться с рабочими транспортного предприятия. Чем

меньше конфликтов будет в эти смутные времена, тем лучше, потому что люди начинают горячиться и легко взводят курок.

Уже рано утром они вошли в гараж и уехали на грузовике в Эль-Рольо. Молодежь ждала их там, на крыльце дедова дома, который с того момента стал местом новостей о войне для всех в Эль-Рольо. Все парни, которые собирались ехать на грузовике, были вооружены ружьями. Те, у кого их не было, получили оружие от своих отцов. Каждый из них нес с собой заплечный мешок с едой, одеяло, вино и воду. Парни были довольны, но немного испуганы. Одно дело было говорить, что они поедут, и другое – идти навстречу неопределенной судьбе, особенно учитывая тот факт, что никто из них не выезжал с горной территории своего района.

– Направляйтесь по шоссе до Съесы, а дальше по королевской дороге на Мадрид через Эльин и Альбасете. Спрашивайте о том, как проехать, по пути, чтоб не заблудиться. Будьте очень осторожны. Ситуация неопределенна во многих городах. Ежели возможно, заезжайте в городки или в города только для того, чтоб заправиться.

Такое напутствие дал дед Антон, когда прощался со своим сыном Дамианом и остальными ребятами, которые ехали в Мадрид на украденном грузовике. Он крепко обнял сына и подождал на площади посёлка вместе с другими родителями, пока машина скроется из виду. Затем они вышли на одну из сторон села, чтобы проводить взглядом фары грузовика,

который вскоре исчез за поворотом дороги.

Рядом с Антоном Красным был другой его сын, дядя Рамиро, родившийся после Дамиана. Деду пришлось чуть ли не связать его, чтобы тот не ушел с братом. Он был почти на два года младше его, но обладал таким же боевым духом. Рамиро вступил в ряды красных позже, в марте 1938 года.

Антон Красный вернулся в дом расстроенный. Там его ждала бабушка Амалия Хесус, грустная, с красными глазами от большого количества слез. Она уже считала своего Дамиана потерянным. Дед лег спать, не произнеся ни слова, и так и не смог уснуть в течение всей ночи.

* * *

Годы войны были тяжелыми для всех. В посёлке Эль-Рольо, в Ла-Копе и Бульясе обстановка сначала сильно обострилась из-за восстания. Возмущение росло. Это был очень сложный период. Несколько представителей самых крайних, которые, что любопытно, не являлись членами Партии, организовали группы, казнившие фашистские элементы, как они их называли, используя при этом несвойственную им официальную терминологию.

Страсти накалились еще больше, когда пришли первые известия о погибших. Именно тогда эти группы вооруженных мужиков попытались организовать «прогулки» для лиц, которых они считали сторонниками восстания. В Эль-Рольо

было несколько семей, известных своими правыми идеями и религиозной деятельностью. Среди этих людей был старый сержант вооруженных сил, известный в Эль-Рольо как Королевский Сержант. Однажды в его дом пришла группа из семи человек родом из Ла-Копы, ближайшего посёлка к Бульясу.

– Мир вашему дому, Сержант. Разрешите войти? – спросили они его с порога.

Такое приветствие не дало дяде Сержанту времени подумать, кто бы это мог быть, и он машинально ответил:

– Проходите с богом, чем могу вам помочь?

– Сейчас будет тебе мир, хренов святоша, – ответили они ему, входя в дом с ружьями на плечах.

– Давай, надевай пиджак, пойдем прогуляемся. Поглядим, в каком состоянии находятся поливные плотины в овраге.

Сержант был вдовцом, он жил только со своим сыном, слепым от рождения пареньком такого же возраста, как дядя Дамиан. Пришедшие мужики не обратили внимания на мальчишку, они искали только отца... Мальчик сразу же все понял и, когда они вышли, направился к дому Антона Красного, дорогу к которому он превосходно знал, так как практически был воспитан бабушкой Амалией Хесус.

Он пришел к ним домой, задыхаясь, нервничая...

– Тетя Хесус, тетя Хесус, где вы? Моего батьку увели. Они хотят отвести его на «прогулку», они его убьют.

– Что ты такое говоришь, Мануэль? – спросила его бабушка.

– Да, они его только что увели, – скажите это дяде Красному.

Бабушка побежала искать деда. Она нашла его в доме одного из его братьев.

– Антон, беги, увели дядю Сержанта, его собираются убить. Эти зверюги из шайки хотят убить его сегодня ночью.

Дед выбежал, схватив ружье и пистолет. Он зашел за отцом Каобой, товарищем по Партии и профсоюзу, и они вдвоем отправились искать эту шайку. Оба боялись не успеть. Самым важным было пойти по нужной дороге, попасть в цель с первого раза. Дед поднялся на самую высокую точку Коконна, природного водохранилища, из которого жители посёлка брали дождевую воду для питья. Оттуда в тумане ночи он увидел, как внизу по оврагу скользили тени. Это были те, кого они искали. Дед в этом не сомневался, он позвал отца Каобу, который ждал внизу, и они помчались к оврагу.

Антон Красный и его товарищ пришли, когда Сержانت стоял на земле на коленях. Главарь группы старался всячески унижить его.

– Святоша Сержانت, сейчас ты заплатишь за все сразу. Мы отрежем тебе яйца, а после всадим в тебя четыре пули, чтоб ты отправился на небеса присоединиться к своим святым. Почему бы тебе не попросить помощи у своего короля? Может, он придет тебя спасти? Хотя это будет нелегко: ведь мы отправили его пожирать дерьмо за границу. Этот жалкий трус побежал, как будто у него была петарда в заднице.

Таков был тон разговора или, лучше сказать, монолога, когда дед пришел к тому месту, где была эта группа.

– Здравие и Республика, друзья. Что у нас за дело сегодня ночью?

– Надо же, это Красный. Ну, гляди, мы собираемся прикончить твоего соседа, святошу Сержанта.

– Почему? – спросил дед. – Что за преступление он совершил?

– Да он правый и святоша, тебе кажется этого мало?

– Ну, мужик, ежели смотреть с этой точки зрения, то ни много, ни мало. Мне вообще ничего не кажется. Я думаю, ты берешь на себя полномочия, которые тебе никто не давал. Насколько я знаю, дядя Сержант не совершил никакого преступления. Нынче быть набожным человеком – это не преступление против Республики. Ежели так рассуждать, то преступницами были бы все женщины посёлка и Ла-Копы. Ежели хочешь, то мы можем начать прямо сейчас и всех их прикончим. Конечно, сначала мы пойдем в Ла-Копу и перво-наперво убьем твою жену, которая и есть самая первая святоша.

– Красный, я тебя знаю. Ты хочешь все запутать. Сержанта не спасешь ни ты, ни кто бы то ни было, уже несколько лет у меня на него виды.

– Свое желание расквитаться с ним ты оставишь при себе. Ты здесь никто, чтоб саморучно вершить правосудие. Ежели у тебя есть какие-то невыясненные дела с дядей Сержантом,

ты их решишь как мужик, обсуждая их с ним лицом к лицу, а не прячась в ночи и не ища поддержки у группы бандитов, которую ты собрал. Это самая настоящая трусость.

– Красный, ты-то и берешь на себя полномочия, которые тебе никто не давал. Ты такого высокого мнения о себе, потому что коммунист. Ты ведь считаешь себя главой посёлка, но, что бы я ни сделал с ним, тебя это не касается.

Быстрым и неожиданным для мужиков этой группы движением дед поднял ружье и приставил его прямо к голове Агустина, который взял на себя роль главаря шайки.

– Послушай, что я тебе скажу, мы уж долго толкуем. Во-первых, ты бросишь свое ружье на землю, потому что ежели ты сделаешь какое-нибудь лишнее движение, твою голову будут собирать на капустном поле там, внизу. И, как ты знаешь, у меня кишка не тонка, чтобы всадить в тебя две пули прямо сейчас. А ежели ты сомневаешься, то не принимай мои слова всерьез. Хочешь рискнуть?

Все знали Антона Красного и то, что он не пугает понапрасну, поэтому Агустин бросил взгляд на членов своей группы. Те даже не взвели свои курки. Ошеломленные, они смотрели на деда и на отца Каобу, который нацелил на них два ружья, по одному в каждой руке.

Спорить было не о чем. Агустин бросил свое ружье, а за ним это повторила вся шайка. Отец Каоба собрал ружья, затем попросил пистолеты, которые были почти у каждого из них. Всем, за исключением Агустина, позволили уйти, пред-

варительно сказав, что с этого момента угрозы в отношении жителей Эль-Рольо должны прекратиться и что тому, кто появится там, сначала всадят пулю, а потом спросят о цели визита.

С Агустином был отдельный разговор. Парню вклепили пару пощечин. Кто-то засунул ему дуло пистолета в задницу и сказал, что, если он будет продолжать убивать, ему поставят свинцовую клизму, чтобы он срал быстрее. Затем Агустина, связанного, отвели в поселок, где он провел пару дней в свинарнике со свиньями. И в конце концов его отпустили, хорошо объяснив, что если он появится еще раз, то уже не уйдет.

Похоже, что Агустин усвоил урок, потому что он не только не появлялся в Эль-Рольо, но и немного погодя ушел из Ла-Копы со всей своей семьей. Мужик вернулся многие годы спустя после окончания войны. Никто никогда так и не узнал, где он был.

Дядя Сержант поблагодарил деда Антона и отца Каобу за то, что они для него сделали. Будучи немногословным человеком, он едва смог сказать «спасибо». Взволнованный дядя Сержант ушел домой, где его ждал сын.

В ту же самую ночь Антон Красный, отец Каоба и другие жители организовали группу патрульных, которые оберегали общественный порядок в деревне до конца войны. Там уже не было больше нападений на жителей, независимо от их политических предпочтений.

В Ла-Копе удача от них отвернулась. Туда дед не смог прибыть вовремя. Он только успел забрать труп Брюхача, лавочника из Ла-Копы. У этого человека был свой магазинчик по продаже разных мелких товаров, от инструментов для работы в поле до одежды и продуктов питания. Его дом на окраине Ла-Копы также служил трактиром на дороге, которая вела в Эль-Рольо. Там мужики останавливались, чтобы пропустить по рюмочке коньяка, агуардьенте¹⁰ или анисовки¹¹. К тому же этот человек был перекупщиком и ходил в поле продавать свой товар в посёлках и деревушках. Его все знали.

Паскуалю Брюхачу приписывали богатства, которые были, скорее всего, предполагаемыми. Хотя нужно было признать, что бедным он не был и его достаток на фоне нищеты людей из тех мест многим казался оскорбительным.

К тому же благодаря трактиру, где некоторые мужики выпивали лишнее и где возникали опасные споры, он нажил себе несколько врагов среди крестьян. Но эта неприязнь не подвергала опасности его жизнь. Или по крайней мере он так думал.

Паскуаль Брюхач был из правых и в довершение всех бед в те конфликтные годы слишком часто ходил в церковь. Го-

¹⁰ Агуардьенте – испанская виноградная водка.

¹¹ Анисовка – анисовая настойка.

ворили, что он чрезмерно набожен. По всем параметрам он подходил для того, чтобы в первые месяцы войны кто-нибудь нанес ему визит.

Любопытно, что первоначально не произошло никаких происшествий, связанных с его личностью. Он вел себя довольно осторожно после того, как узнал, что несколько человек из соседних городков уже отвели на *прогулку*. Ему также стало известно о том, что случилось в Эль-Рольо, когда некоторые его жители решили прогуляться с дядей Сержантом. В течение тех месяцев Брюхач не выходил в поле для перекупки вещей. Он открывал трактир только днем и закрывал его до наступления темноты. Дом запирал крепко-накрепко, а когда выходил на улицу, всегда носил с собой ружье.

Но давность событий, а также тот факт, что *прогулки* в Ла-Копе и соседних городках уже прекратились и там царила нормальная жизнь, дали Брюхачу повод расслабиться. Хотя Паскуаль по-прежнему предусмотрительно не открывал трактир ночью, он начал выходить в поле. Как в сельской местности, так и в больших городках, таких как Бульяс или Сеехин, была потребность в продуктах. Он стал заниматься куплей-продажей или, лучше сказать, товарообменом. Брюхач покупал и обменивал все сельскохозяйственные продукты, которые только мог. Затем продавал их в больших городах, где также начала ощущаться нехватка некоторых товаров. Торговец ликовал. Он зарабатывал много денег. Но это и привело его к гибели.

Было известно, что Брюхач становится все богаче от своего товарообмена и что к тому же, воспользовавшись ситуацией, он завышает цены. Это стало последней каплей. Старые обиды и зависть послужили идеальным поводом для серьезных событий. Несколько его соседей – казалось, мужики из Ла-Копы не могли такое затеять – собрались в группу. Дело затянулось во времени. Несмотря на общую нелюбовь к Брюхачу, люди не были настроены на такие жестокие меры в отношении него. Однако в конце концов благодаря своим активным усилиям организаторы смогли убедить нескольких человек сформировать шайку, чтобы предать Брюхача смерти.

Убить Паскуаля не представлялось легким делом для заговорщиков. Практически невозможно было войти в его дом ночью. Жилище Брюхача казалось хорошо охраняемой крепостью, и, конечно, он не собирался открывать им дверь добровольно.

Совершать расправу днем было рискованно. Это могло спровоцировать большой скандал с печальными последствиями для всех. Мужики решили выследить соседа в полях и подождать на въездах к Ла-Копу, на разных подъездных дорогах, когда с наступлением сумерек он приедет туда на своей телеге.

Для него подготовили ловушку. Собралось восемь мужиков. Однажды, когда Брюхач был в поле, они решили дождаться его на разных подъездных дорогах к городку, разде-

лившись на группы по двое. Уговор был таков: первые, кто его увидит, задержат, нацелив на него ружье, затем позовут всех остальных и убьют его все вместе. Должны были участвовать все, чтобы потом никто не смог пойти на попятную, если дело примет дурной оборот.

Среди членов группы был Родриго, житель Эль-Рольо, сын Хавьера и одной из дочерей Кудряша, молодой горячий парень. Он был такого же возраста, как и те, кто давно уехал в грузовике защищать Мадрид и Республику. У него был свой взгляд на вещи. По крайней мере, он так думал. Парень считал, что был более полезен на месте, убивая таких несчастных людей, как Брюхач.

Родриго был большим хвастуном, и, несмотря на то что все участники поклялись не рассказывать о том, что они подготовили, не смог удержаться. Юноша упомянул об этом в разговоре с приятелем из Эль-Рольо, который был младше его, казалось, с намерением произвести впечатление. Паренек оказался более разумным и рассказал обо всем отцу. В тот же самый день, когда подкарауливали Брюхача на дорогах Ла-Копы, слух об этом деле достиг Антона Красного.

Как и все в Эль-Рольо, дед знал владельца трактира, и, хотя ему не нравились ни его характер, ни его мировоззрение, задуманное показалось ему глупостью. Он собрал патрульных из Эль-Рольо и сообщил им об этом деле. Они предупредили других жителей, которые с удовольствием к ним присоединились, и с ружьями наготове все быстрым шагом

пошли к Ла-Копе. Собравшиеся не знали, когда заговорщики собираются убить Брюхача, но им было известно, что это должно произойти скоро. Идея состояла в том, чтобы предупредить Брюхача и оставить с ним несколько человек для защиты. Другая часть должна была найти Родриго и через него узнать, кто остальные члены группы. Патрульные были в ярости и хотели преподнести заговорщикам хороший урок. Эти дикари своими варварскими действиями разрушали идейную основу Республики и левых – деду всегда нравилось говорить во множественном числе, когда он имел в виду левое движение, и он продолжал это делать до конца жизни.

В тот день удача от них отвернулась. Все было не так, как в ночь *прогулки* Сержанта. Патрульные приближались к Ла-Копе. К тому времени уже стемнело. Вдруг они услышали выстрел. А затем еще несколько. Всего насчитали восемь. Последний, должно быть, раздумывал, потому что тянул время дольше других.

– Стреляли около овражка Мачанес. Пошли! – сказал дед.

Они ускорили шаг и разделились на небольшие группы, чтобы охватить больше территории на тот случай, если им удастся поймать исполнителей до того, как те убегут. Патрульные подошли незаметно, но уже никого не было. Они только обнаружили изуродованный труп бедняги Брюхача. Ему ничем нельзя было помочь. Тело было разорвано полученными выстрелами в упор. Расправу произвели быстро, кругом оставляя следы. Исполнители даже не подобрали па-

троны, которые своими яркими цветами выделялись на земле вокруг трупа.

Прибывшие решили не притрагиваться к Брюхачу. Четверо мужиков остались около тела, чтобы никто не сдвинул его с места. Впервые в жизни дед решил обратиться к властям. Сначала он зашел в Ла-Копу, где несколько человек, услышавших выстрелы, столпились на улице, спрашивая друг друга о том, что случилось. Увидев Антона Красного с другими мужиками, да еще с ружьями на плечах, они начали подозревать, что произошло нечто скверное, и удостоверились в этом, когда дед направился к таверне.

– Хосефика, ты здесь? – спросил дед, стуча в дверь дома.

– Кто это? Таверна закрыта, а моего мужа нет, – ответила Хосефика, жена Брюхача.

– Это я, Антон Красный из Эль-Рольо.

– А, дядя Антон, я вас не узнала. Что вам надо? – спросила его жена Брюхача, выглядывая в одно из окон верхнего этажа дома. – Ежели вы ищете моего мужа, то он еще не пришел. Нынче он задерживается дольше обычного. Думаю, пошел до Моратальи со своей телегой.

– Хосефика, спустись, пожалуйста, я ищу не твоего мужа, а тебя.

– Что-то стряслось с моим мужем? – встревоженно спросила Хосефика.

Женщина стремительно сбежала по лестнице. Когда она открыла дверь, то была уже белого цвета. У нее не получа-

лось задать вопрос. Дед сразу перешел к делу, поскольку не мог иначе.

– Хосефика, твоего Паскуаля только что убили на въезде в Ла-Копу. Когда мы прибыли, чтобы предупредить его о заговоре, он был уже мертв. Мне очень жаль, нам не повезло. Его тело находится в овражке Мачанес. Не трогайте его, поскольку я собираюсь сообщить об этом жандармам из Бульяса.

Хосефика издала такой крик, что его было слышно во всей Ла-Копе. Затем она упала на пол без памяти. Пришли соседки, которые с помощью нескольких мужиков занесли ее в дом и положили на кровать, чтобы она пришла в себя.

Дед добрался до Бульяса пешком с ружьем наготове. Прибыв в штаб жандармов, Красный также сразу перешел к делу. Он был очень зол.

– Только что убили владельца таверны из Ла-Копы, Паскуаля Брюхача. В него несколько раз выстрелили в упор в овражке Мачанес. Его тело все ещё там. Должно быть, оно еще теплое. Вам бы лучше делать свою работу и понадежнее охранять, а не то пойдете на фронт, потому что другие точно сделают это лучше вас. Надо быть на улицах и в полях, а не сидеть взаперти в штабе, как вы. Ежели вам что-то нужно от меня, вы знаете, где меня найти.

Дед развернулся и пошел в направлении Ла-Копы и Эль-Рольо. Он был слишком рассержен, чтобы продолжать разговаривать с этими лживыми трусами, которые уклонялись

от фронта, используя службу в качестве предлога.

Несколько дней спустя, когда Родриго, один из членов шайки, появился в Эль-Рольо, дед и отец Каоба поговорили с ним наедине.

– Родриго, есть к тебе разговор, – сказал Антон Красный.

– Слушаю вас, дядя Антон.

– Тут говорить не о чем. Поскольку тебе нравится нажимать на курок, завтра же ты запишешься добровольцем в Армию. Там увидишь, как у тебя появится возможность стрелять и срывать злобу в свое удовольствие. Не показывайся в Эль-Рольо, покуда не закончится война. Ежели мы увидим тебя здесь, даже ежели ты будешь в увольнении, мы тебя уьем. Да, и попробуй не записаться!

Во время войны расследование властей не пролило свет на случившееся. Когда война закончилась, также не было никакого результата, хотя все вокруг изменилось. Через несколько дней после того, как прибыли войска Франко из Гранады, новые власти растрезвонили, что задержали нескольких виновников смерти Брюхача. Кажется, двое из них действительно принимали участие в убийстве, а остальные, не были виноваты, но были известны в Ла-Копе в силу своих социалистических убеждений. Именно из-за своих идей они и были быстро расстреляны после военно-полевого суда, хотя их обвинили в преступлении, которого они не совершали. Другие участники были приговорены к тюремному заключению. И, хотя в свое время заговорщиков было восемь, из-за столь-

ких обвиненных казалось, что вся Ла-Копа была замешена в убийстве Брюхача.

Среди приговоренных к смерти оказался и Родриго. Этот парень изменился на фронте. Он вернулся в Эль-Рольо некоторое время спустя после окончания войны. Первое, что он сделал, так это пошел повидать деда, чтобы попросить прощения за то, что совершил, и сказать ему, что на фронте осознал, насколько глупыми были его действия и что именно там он понял истинный смысл той войны. Парня задержали через какое-то время по возвращению в Эль-Рольо. Его обвинили в участии в *прогулке* Брюхача и приговорили к смерти. Но Родриго повезло: уже прошла первая истерия, и его переместили в тюрьму Мурсии. Там царила неразбериха. Он проводил в заключении месяцы, потом годы, а его все не убивали. Парня переводили из одной тюрьмы в другую. Кто-то забыл, что его надо расстрелять, и он продолжал жить, отбывая срок, который так и не был ему назначен. Но Родриго не мог протестовать, поскольку, если бы после всего в него всадили полдюжины пуль, то это было бы уже игрой дьявола. Он жил «втихую». Никто точно не знал, на какой срок его приговорили и какова была причина вынесения приговора. Его документы не всплывали, что и спасало ему жизнь. Прошло время, и однажды его выпустили на свободу. Должно быть, кому-то показалось, что он провел достаточно лет в тюрьме.

Война закончилась поражением для земель Эспартании. На следующий день после прибытия войск Франко в Эль-Ролью появились представители новой власти. Они собрали всех жителей у дверей церкви, прочитав несколько обязательных для исполнения указов. Среди них было распоряжение сдать личное оружие, даже если оно было охотничьим.

Прибывшие направились к деду и сказали ему, что он больше не командует в Эль-Ролью. Это было парадоксально, потому что дед никогда не обладал никакой официальной властью. Если в какой-то момент он и исполнял функции властей, то потому что одни ему это позволяли, а другие признавали его авторитет.

Дед пожал плечами в ответ на такие слова. Но это было не то, что его беспокоило.

– Ты должен будешь также сдать оружие, – сказали ему.

– Да ведь у меня есть только наваха, но и та без острия. Она разломилась однажды, когда я колот ею орехи, – ответил дед.

Представители новой власти испепеляли его взглядом: вдобавок ко всему этот хренов красный позволяет себе иронизировать. Он еще свое получит.

– Потолкуем еще, – сказали они ему очень спокойно. – Для вас, красных, это лишь начало.

В действительности никто не имел ничего против деда Антона. Более того, ему все были благодарны. Он символизировал власть в тех богом забытых местах, и благодаря ему и его товарищам все не окончилось большой трагедией. Правые это знали и были обязаны ему жизнью.

Только один раз, в начале апреля 1939 года, его забрали фалангисты из Бульяса, спровоцированные какими-то деятелями из Мурсии, прибывшими для организации политической работы в городке. Его увели утром на глазах у всех. По посёлку прошел слух, что забрали Антона Красного. Все ожидали самого худшего. Бабушка и все женщины плакали. Деда уже считали мертвым. Еще повезет, если выдадут его тело.

Процессия на нескольких машинах направилась к Ла-Копе и Бульясу. За нею быстрым шагом шел мужчина. Он был одет в свой самый лучший костюм, шляпу и опирался на трость. Иногда он ускорял шаг, когда считал, что расслабился и шел слишком медленно. Это был дядя Королевский Сержант.

Он прибыл в Бульяс и сразу же направился поговорить с кем-нибудь из богатых домов. Затем сел в машину, которая доставила его в Караваку. Дядя Сержант вернулся в тот же самый день с несколькими мужиками. Они сразу же пошли в дом, где располагался центральный штаб испанской Фаланги. Антон Красный находился там. Его лицо было в кровоподтеках, а губы и скулы опухли. Глаза представляли

собой кровавое месиво. Ему дали вдоволь слабительного, и там пахло так, что хотелось выйти. На полу было несколько кирок и лопат с остатками сырой земли. Ими заключенные сами вырывали себе могилы в поле.

Королевский Сержант проявил такую силу характера, о которой никто не подозревал. Сопровождавшие его совершенно не вмешивались в происходящее. С пистолетом в руке он назвал имя и вытащил официальный документ, который показал всем.

Через мгновение присутствующие отдали честь документу. Указывая пальцем на деда, дядя Королевский Сержант сказал:

– Этого мужика больше никто никогда не тронет. А тот, кто решится, сразу же будет иметь дело со мной и с этим человеком, – и он поднял руку, в которой держал документ.

Франкисты снова отдали честь. Этого было достаточно. Больше никто и никогда не подходил к деду.

– А сейчас вы его сами вымоете в моем присутствии. И смотрите у меня, ежели он пожалуется на то, что вы делаете ему больно. Ты, подпиши расписку, чтобы сейчас же ему принесли новый костюм из сукна, рубашку, нижнее белье и туфли. А ты, позови врача. Молитесь, чтобы с ним все было в порядке.

В тот же самый вечер дед вернулся на машине в Эль-Рольо в сопровождении Сержанта. Они не перемолвились об этом ни единым словом ни тогда, ни потом. Выйдя из машины,

дед обернулся, его лицо было деформировано от ударов, и, будучи не в силах говорить, он положил руку Сержанту на плечо. Этим жестом было все сказано.

Когда дед поправился, он стал думать о том, что делать с оружием. Красный не хотел давать новый повод фалангистам из Бульяса. К тому же один раз его уже увели, и он не хотел подарить им второй шанс. Живым они его не возьмут!

Дед все раздумывал, как поступить с оружием, когда однажды, весной 1939 года, по прошествии первой недели мая, на пороге дома появился Дамиан. Был закат, и его фигура сливалась с тенями заходящего солнца. Бабушка Амалия Хесус сразу же его узнала. Она его больше, чем узнала, она его почувствовала. Он шел пешком с фронта, из Мадрида. Бабушка заключила сына в объятия и осыпала поцелуями. Ее Дамиан был жив! Она залечила его раны и язвы на ногах. Покормила и уложила спать. Парень проспал два дня подряд, не просыпаясь ни на секунду. На третий день он встал.

Дед ждал сына на крыльце дома. Шахты были закрыты, и работы не было. В поле было мало дел, и Антон Красный еще не совсем оправился от ударов, которые получил от фалангистов.

– Дамиан, жандармы говорят, что мы должны сдать оружие, которое есть у нас дома. Уже прошел срок, я его не сдал и не собираюсь этого делать. Сегодня ночью мы спрячем его в диких кактусах. Надо смазать его маслом и завернуть в масляные тряпки, чтоб оно как можно дольше сохранилось. Я

уверен, что оно еще пригодится. А ежели нет, то мне все равно. Мы проиграли войну, но я не сдаюсь. Что ты скажешь, сын?

– Отец, война проиграна, и надолго. Мы так быстро от нее не оправимся. Как вы скажете. К тому же ежели мы его сдадим, нам вдобавок ко всему еще дадут слабительного... у меня нет большого желания доставлять им такое удовольствие...

– Тогда так и поступим, сегодня ночью мы его закопаем, а Бог решит.

Так они и сделали. Закопали оружие в диких кактусах не очень далеко от дома, на тот случай, если оно срочно понадобится.

Огнестрельное оружие деда, два ружья и три пистолета никогда не попали в руки врага. Дед в качестве акта сопротивления предпочел спрятать его, а не сдать, чтобы воспользоваться им при необходимости. К счастью или к несчастью, в зависимости от того, как на это посмотреть, оно больше никогда не пригодилось.

Затем семья переехала в пойму Сегуры, а оружие осталось на прежнем месте. Никто никогда его так и не наглед, а дед его не перепрятал. Прошли годы, и дед умер. Семейный дом и земли в Эль-Рольо были проданы, а оружие по-прежнему было там. Дядя Дамиан, единственный, кто вместе с дедом наверняка знал, где оно было зарыто, давно потерял память. Сегодня в семье осталось только мифическое воспоминание

об этом оружии. О символе сопротивления.

Глава III

Дамиан Красный

Дамиан Фернандес Валера, Красный, родился в 1920 году в посёлке Эль-Рольо, хотя местом его рождения был зарегистрирован Сеехин. Он был первым сыном Антона Фернандеса Красного и Амалии Хесус Валеры. Дамиан рос здоровым и крепким. С детства он проводил часы напролет, слушая разного рода истории, которые рассказывали и читали вслух старшие в доме дедушки и бабушки на закате.

Дамиан очень рано начал работать в поле. Дед так и не захотел отвести его на шахту. Он говорил, что работа там слишком опасна и достаточно иметь одного шахтера в доме. С раннего возраста Дамиан стал работать на семейных землях. К тому же он ходил с дедом косить в поля Кахитан, в Ла-Манчу или в Королевство Валенсия.

* * *

Лучшим другом детства и юности Дамиана всегда был Мануэль, сын Королевского Сержанта. Этот ребенок родился слепым. Его мать умерла от послеродовых осложнений, когда ему едва ли исполнился месяц. В то время бабушка Амалия Хесус все еще кормила грудью своего Дамиана, поэтому

также выкормила и Мануэля. Они росли скорее как братья, нежели как друзья. Мальчики постоянно играли вместе. Дамиан заботился о Мануэле и брал его с собой, когда шел куда-нибудь со своими друзьями. Они вместе собирали гнезда и подбирали выпавших птенцов, вместе ругались с ребятами из других компаний.

Дамиан научился читать в доме Мануэля Слепого. Сам Королевский Сержант обучил его этому на религиозных текстах.

Затем, когда дед начал водить его на свои ночные собрания, мужики из партии и профсоюза давали ему и другие материалы. Они просили, чтобы он читал им вслух газеты и брошюры, которые приходили из Мурсии или Мадрида. В Народном доме Бульяса Дамиан Красный открыл мир литературы, нашел книги мудрых людей, которые хотели изменить мир.

Дамиан никогда не отказывался от своих первоначальных истоков. Когда он превратился в идейного человека, как говорили в те годы, то никогда не прибегал к антирелигиозным действиям, а наоборот, всегда с большим уважением относился к религии и считал выпады в отношении церковных служителей непозволительной роскошью и развлечением либеральных республиканцев, которые, чтобы убить время, занимались тем, что сжигали монастыри и подстрекали к этому рабочих.

Скоро почти все парни Эль-Рольо стали друзьями. Это

была особая ситуация, о которой не припоминали уже долгое время. Ребята этого поколения выросли вместе и стали очень сплоченными. У всех них рано появилось сильное чувство единства и солидарности. Все хотели построить другой мир без бедности и нищеты. Они сменили игры и ловлю птиц на членство в социалистических молодежных группах, а также на общение с девушками.

Объединенная молодежная социалистическая организация в Эль-Рольо стала самой многочисленной в регионе. Ее секретарем был избран Дамиан, который вскоре унаследовал кличку своего отца и тоже стал Красным. В ней также состоял Мануэль Слепой, который постоянно сопровождал своих товарищей.

Когда стало известно о восстании Франко, все члены Объединенной молодежной социалистической организации решили идти добровольцами защищать Мадрид и Республику. У них была одна проблема: они не знали, как добраться до столицы. Юные добровольцы не хотели терять время в официальных инстанциях Мурсии, потому что они были слишком молоды и бюрократические формальности не позволили бы им записаться в ряды республиканцев. Они думали пойти пешком в Сьесу или Каласпару и потом поехать в Мадрид на поезде, но это было дорого, а их было много. К тому же это было опасно. Им бы не позволили сесть в поезд со всеми их военными запасами, потому что стало бы очевидно, что они пришли с ружьями и пистолетами. Железнодорожники мог-

ли позвать жандармов, которые задержали бы их и отобрали оружие, а то и того хуже.

Мануэлю Слепому пришла в голову идея конфисковать в Бульясе грузовик и на нем добраться до Мадрида. Так их наверняка никто бы не побеспокоил, и они смогли бы везти оружие, а также еду и теплую одежду. На самом деле парни из Эль-Рольо были небольшим отрядом вооруженных молодых людей. Они думали, что едут делать революцию, и уже видели себя атакующими какой-нибудь Зимний дворец.

Но как заполучить тот грузовик? Кто его поведёт? Никто из них не умел водить. Ребята быстро нашли решение первой проблемы. Через два дня они приедут в Бульяс в транспортную компанию «Ла Бульенсе» и, оказавшись там, от имени Республики заберут один из грузовиков, оставив бумагу, подписанную всеми, в которой объяснят причину, вынудившую их принять такие меры, – защита Республики. В том же самом документе парни возьмут на себя обязательство вернуть машину компетентным органам, когда доберутся до места назначения. Добровольцы поедут с оружием, чтобы быть более убедительными в том случае, если хозяева или управляющие компании будут оказывать сопротивление в процессе конфискации грузовика.

Первая проблема, казалось, была решена. Оставался вопрос о том, кто поведет грузовик. Подойдя к этому пункту, Каоба, другой паренек из Эль-Рольо, выступил с очень рискованным предложением.

– Я готов повести грузовик.

– Но, Каоба, единственное, что ты водил в жизни, была ослица твоего отца, – сказал ему Антоньете, один из ребят.

– Послушай, умник, ежели ты не знаешь, то однажды, не так давно, я водил машину в Бульясе. Мне позволил Перико, шофер Гонсало Агуабравы. Не так уж это и сложно. К тому ж Перико сказал мне, что все машины водятся одинаково.

– Да ты знаешь, что говоришь? Мы толкуем о грузовике, и мы должны доехать до Мадрида, – сказал Мануэль Слепой.

– Ежели у кого-то есть идея получше, пускай ее выскажет. Я выступаю добровольцем. И, ежели я говорю, что мы приедем в Мадрид, то, черт побери, мы приедем, яйцами клянусь.

– Ладно, думаю сейчас у нас нет иного решения, – сказал Дамиан. – Ежели до завтра мы не найдем другого водителя, доверимся Каобе. И еще, пускай каждый приготовит теплую одежду на ночь, хоть сейчас и лето, мы не знаем, сколько все это продлится. Надо также надеть самую добротную обувь, которая есть, взять одеяло для каждого человека и еды достаточно для того, чтобы добраться до Мадрида и провести там несколько первых дней, пока не увидим, куда нас распределят. Мы возьмем с собой столько ружей, сколько сможем. Тот, у кого нет, пускай попросит у своего отца. У них есть запасные, я-то уж знаю.

По окончании собрания Яд и Антоньете обратились к Дамиану.

– Дамиан, ты должен поговорить с Мануэлем. Он толь-

ко тебя послушает. Мы не можем его с собой взять. Мы будем стрелять, а он слепой. Мы не можем взять на себя ответственность за него. К тому ж как только его увидят в Мадриде, отправят обратно сюда, одного, при этом никто о нем не позаботится.

– Ладно, я тоже об этом подумал, но не мог решиться. Пойдемте со мной.

Они подошли к Мануэлю, который все еще сидел, разговаривая с Каобой.

– Мануэль, есть к тебе разговор, – сказал Дамиан.

– В чем дело? – с тревогой спросил Мануэль.

– Ты должен понять, что не можешь поехать с нами. Мы будем стрелять и не знаем, что произойдет, когда приедем в Мадрид, ежели приедем... короче... ты не сможешь поехать.

– Ничего себе, вы решили оставить меня здесь. Я от вас этого не ожидал. Я слеп, но это не значит, что я труслив. Я не смогу стрелять сам, поскольку не вижу, но я смогу выстрелить туда, куда вы мне скажете, к тому ж кто-то должен будет готовить еду. Я также могу заряжать ружья, покуда вы убиваете этих подлюк.

– Это несерьезно, и ты это знаешь.

– Ты должен посмотреть на это с другой стороны. Мы оставляем тебя за главу организации в Эль-Рольо, – сказал Яд иронично.

– Во Яд дает, мать твою, еще и с иронией. Вы меня оставляете за главного и за вояку. На самом деле я остаюсь один.

Ладно, больше это не обсуждается. Я остаюсь. Но, чтоб вы знали, вы отнимаете у меня мечту моей жизни. Хоть я все понимаю или притворяюсь, что все понимаю.

Больше этот вопрос не поднимался.

В день отъезда Мануэль остался в Эль-Рольо. Он попрощался со своими товарищами на площади посёлка вместе с остальными и вернулся домой, терзаемый чувством одиночества и безделья, которые никогда ранее в своей жизни не испытывал.

* * *

Юные добровольцы проехали через Съесу по дороге на Мадрид и выехали на шоссе Мадрид-Картахена. Они прибыли на постоянный двор «Вента-дель-Оливо». Там друзья остановились и купили табака и еще немного вина. Они никому ничего не говорили, и их никто ни о чем не спрашивал. Друзья направились к перевалу Пуэрто-де-ла-Мала-Мухер в горной цепи Кабеса-де-Асно. Грузовик трясся на откосах моста, Каоба все никак не мог уяснить, как переключать скорость. Они уже проехали дома у перевала, когда в них начали стрелять с левой стороны шоссе. Это были выстрелы из винтовок, а не из ружей. Никто не вышел к ним, чтобы остановить их или попросить у них объяснений. Просто начали стрельбу. Несколько пуль вцепились в кузов грузовика. Яд почувствовал жжение в ноге. Это была царапина от

ослабевшей пули, которая прошла через один из слоев дерева в прицепе грузовика. Страх, охвативший ребят, предупредил о том, что их ждет. Они не стали прятаться и начали стрелять из своих ружей. Проблема была в том, что они не знали точно, откуда исходили выстрелы. Каоба прибавил скорости, добавил газу грузовику, который продвигался как черепаха. Он чуть было не остановил машину, переключившись на другую скорость. Наконец, ребята смогли выехать из зоны, где в них стреляли, и увидели, как на склоне горы напротив домов у перевала двигались огни. Друзья решили не останавливаться. Они боялись, что их экспедиция прямо там и закончится, всего в нескольких километрах от того места, откуда они начали свой путь. Каоба поддал газу, и грузовик уехал в темноте ночи с погашенными на всякий случай фарами.

Хотя парни этого и не знали, то были мужики из Эль-на и Альбасете, из шайки повстанцев. Они разместились в стратегическом пункте, коим стал перевал Пуэрто-де-ла-Мала-Мухер, чтобы контролировать любое передвижение в тот важный период. Неожиданное появление грузовика в неурочный час застало их врасплох. В ту самую ночь они только начали копать траншеи и еще не были готовы. Несколько дней спустя, когда этот вооруженный заслон уже был хорошо организован, а траншеи, которые и сегодня видны на земле, вырыты, за эту позицию развернулся кровавый бой. Повстанцев выгнали, и значительная их часть погибла в

столкновении. Те, кто остался в живых, убежали по горной цепи Кабеса-де-Асно, и о них больше никто никогда ничего не слышал. Кажется, они перешли в банду мятежников где-то в провинции Гранада несколько недель спустя.

После этого противостояния грузовик приехал в Мадрид без осложнений. Друзья оказались в гуще хаоса. Они не знали ни куда идти, ни к кому обращаться. Ребята расспросили о расположении штабов Партии, там их ввели в курс происходящего и дали назначения, но другим делом было найти место своего назначения. Они бродили по городу от управления к управлению, совсем не представляя, как ориентироваться в улицах Мадрида. Наконец их определили в один батальон ополченцев. Всех вместе. Разлуки наступили потом. Они были против их воли и на целую вечность.

* * *

Друзья были на разных фронтах. Мадрид, Эстремадура, Гуадалахара, Белчите, Теруэль, снова Мадрид... Практически с самого начала Дамиан вместе с Каобой и Ядом были распределены в отделение связи в батальоне, в котором они все состояли. У них была бестолковая ослица, которая несла все снаряжение, необходимое им для выполнения задачи, в основном, провода, много проводов и магнитные телефоны.

Дамиан Красный был единственным в группе, кто умел читать и писать. Товарищи диктовали ему письма, и он к то-

му же сообщал новости обо всех ребятах в своих письмах, хотя они его об этом и не просили. Парень знал, что все семьи Эль-Рольо собирались в доме бабушки и дедушки, чтобы прочитать письма, когда те приходили. И не важно, кто был получателем. Дамиан рассказывал о радостях и печалях, которые их окружали. О поражениях и победах. Постепенно хорошие новости стали иссякать.

Самое ужасное было, когда убили первого из них. Это стало настоящим столкновением с реальностью. Смерть, которая долго окружала ребят на фронте, казалось, про них забыла. В течение года никто из них не получил даже царапины. И скоро пришло настоящее горе. Почти все пали. И Дамиан вынужден был сообщать о следующих одна за другой смертях своих товарищей родственникам каждого из них в Эль-Рольо.

Первым, кто погиб, был Каоба, самый веселый из них. Его убил один франкистский стрелок, сукин сын, убийца, как рассказывал Дамиан. Казалось, он выслеживал их несколько дней, когда они выходили натягивать и прокладывать телефонные кабели. Вражеский стрелок выбрал свою мишень, навел на нее прицел и выстрелил. Только один раз. Пуля прошла через спину и грудь Каобы и открыла кровавый источник. Яд был ближе всех. Каоба лежал лицом вниз, наполовину спрятавшись за розмарином, натягивая кабель. Невидимая сила вынудила его прильнуть к земле. Ему едва хватило времени, чтобы поднести руку к груди. Должно быть, ему

было очень больно. Он не кричал. Он попытался задержать кровь, которая сочилась сквозь пальцы. Яд перевернул его и увидел, что парень посмотрел на него с агонией в глазах и улыбнулся улыбкой, которая была уже гримасой. Каоба умер у него на руках до того, как пришел Дамиан, встревоженный криками Яда.

Ребята хотели отправить тело Каобы в Эль-Рольо. Собрали деньги между собой для этого предприятия, но им не позволили это сделать или не могли этого позволить. В конце концов они были вынуждены похоронить его под падубом. Все собрались и выпили вина в честь Каобы, много вина. Когда закончилось то, что у них было, они попросили еще, и так, пока не напились. Друзья сильно перебрали.

Три дня Дамиан обдумывал идею, которая терзала его, как сообщить в Эль-Рольо о смерти Каобы. Все письма, которые парень писал, свои собственные письма, он отправлял своей матери, бабушке Амалии Хесус, и там, в их доме, они читались вслух для всех. Дамиан набрался храбрости, начал письмо так, как будто оно было просто еще одним письмом. Он рассказывал о том, каким хорошим был паек, о холоде, который начинался, о простуде одного из них, о том, как другой подвернул ногу, пока не написал: «...Вы знаете, мама, Каобу застрелили...». Потом парень зачеркнул эту фразу, оставив ее почти неразборчивой, но не настолько, чтобы глаза, жаждущие новостей не могли ее расшифровать. Он продолжил писать письмо и уже почти в конце написал: «Ка-

обу убили выстрелом в грудь».

И снова зачеркнул эту фразу, оставив ее почти неразборчивой. Дамиан знал, чьи глаза будут читать то письмо в Эль-Рольо.

* * *

Затем пали остальные, один за другим. Как в нескончаемых четках. После того как убили Антоньете, остались только Яд и Дамиан. У них было предчувствие, что оба умрут, только они спрашивали себя, в каком порядке. Убили Яда. Его разорвала бомба немецкого самолета. От него мало что осталось. Об этом Дамиан не написал в письме. То, что осталось, он захоронил своими собственными руками у подножья одного падуба. Затем, как будто совершая мрачный ритуал, написал заключительное письмо, сообщив о смерти своего последнего друга. Когда парень протрезвел от выпитого вина, то попросил нескольких товарищей из своего батальона, когда его убьют, сообщить об этом ему домой в письме и оставил адрес и бумагу.

Но плохое предчувствие не сбылось. Смерть периодически ходила за ним по пятам. Предпоследний раз он встретился с ней еще на фронте, только она пришла сзади, с тыла. Анархисты, которые перешли на сторону Касадо, напали на отряд Дамиана ночью, не просили сдаться, а просто напали. Республиканские солдаты вынуждены были защищаться на

расстоянии выстрела. Сподвижники Франко не шевелились, позволяя им убивать друг друга. Дамиан и его товарищи оборонялись хорошо, так что касадисты ушли, поджав хвост. Затем события развивались с головокружительной скоростью. Капитан батальона и политический комиссар собрали всех, чтобы сказать, что война окончательно проиграна и фронты разбиты. Каждый должен будет спастись, как может. Тот, кто захочет, может дождаться войск Франко, тот, кто пожелает затаиться или возвратиться домой, может это сделать. Командир не будет им препятствовать. Затем мужики сформировали круг из самых преданных, они хотели обсудить ситуацию, чтобы принять окончательное решение.

Дамиан и его друзья решили отправиться до Аранхуэса, а там каждый пойдет своей дорогой. Те, чьи маршруты совпадают, смогут продолжить путь вместе. Прибыв в Аранхуэс, Дамиан остался один, хотя ему и было по дороге с несколькими товарищами. Солдаты не достигли согласия в том, каким образом вернуться. Дамиан не хотел проходить через посёлки или населенные пункты. Он планировал вернуться на проселочную дорогу, чтобы избежать нежелательных столкновений в те смутные времена. Остальные попутчики, которые направлялись в Мурсию и Альбасете, не разделяли мнения Дамиана. Они думали, что ничего не произойдет, даже хотели поехать на поездах, которые все еще могли ходить. Товарищи разошлись, пожелав друг другу удачи.

На следующий день все еще недалеко от Аранхуэса, вер-

нувшись на поворот конной тропы, Дамиан столкнулся лицом к лицу с лагерем марокканских солдат Франко. У него не было времени, чтобы отреагировать и потянуться к пистолету. Может быть, это спасло ему жизнь. Его сильно избили, сняли с него ботинки, карманные часы, прослужившие ему всю войну, заорали пистолет, подаренный комиссаром батальона, уже ни на что не годившиеся республиканские деньги и перьевую ручку, которой он писал все письма во время войны, сообщая о смерти своих товарищей. Марокканцы были готовы перерезать ему горло, когда случайно появился франкистский младший лейтенант и стал наносить удары хлыстом и крыть их матом. Он спас ему жизнь. Дамиан остался лежать посреди поля.

Паренёк так и не узнал, сколько часов ему понадобилось, чтобы прийти в себя. Затем, спотыкаясь, начал идти. Дамиан никогда не мог вспомнить, как ориентировался в последующие часы, но он думал, что все время шел в правильном направлении. Шагая, шагая, шагая, Красный дошел до Альбасете, затем до Эльина, потом пересек перевал Пуэрто-де-ла-Мала-Мухер в горной цепи Кабеса-де-Асно в направлении, противоположном тому, куда он шел в июне 1936 года с совсем другим настроением, и вошел в земли Эспартании через муниципальный округ Сьеса.

Спускаясь с перевала, он натолкнулся на человека, спрятавшегося среди кустов эспарто. Тот затаился. Он ждал, когда стемнеет. Дамиан хотел его обойти, так как никому не

доверял. Парень прибавил шагу и шел, как будто не заметив этого человека.

– Эй, солдат, – заговорил с ним незнакомец тихим голосом. – Куда ты идешь? Ежели хочешь, пойдем вместе. Я тоже направляюсь домой. Я родом из Гранады и иду из Валенсии.

Дамиан остановился. Он с осторожностью и недоверием подошел к незнакомцу.

– Я иду из Мадрида и тоже направляюсь домой.

Приблизившись к нему, Дамиан увидел, что тот был в форме. Он все еще был одет в китель, и на нем были отличительные погоны капитана.

– Ты уже должен был снять хотя бы звезды. Ежели тебя увидят, то задержат или всадят четыре пули в то самое место.

– Да, но я не знаю, что делать. Не могу до конца принять все это. В конце концов, мы проиграли войну самым ужасным способом из всех возможных.

– Я не думаю, что есть хорошие способы проиграть войну. Поражение – это всегда поражение, – сказал Дамиан. – Что ты здесь делаешь?

– Жду пока стемнеет, чтоб подойти к дому, что виднеется слева, рядом с большой сосной. Там живет хорошая семья. Они кормят солдат, которые идут домой, и, ежели хочешь, дают старую одежду, чтоб ты мог снять форму. Мне рассказала об этом пара солдат, направлявшихся в Валенсию, которых я встретил около Хумильи.

Капитан говорил правду. Речь шла о доме Хусто Сумы

и его семье в краю Эль-Элипе. Этот земледелец с высокими этическими и моральными принципами был известен среди своих соседей как дядя Сума. Он, как мог, помогал тем остаткам Республиканской армии, которые приходили к нему в дом, расположенный на том стратегическом пересечении дорог.

Ночью тайком он приносил им еду и питье. Тем, кто хотел, давал старую одежду, чтобы они могли отделаться от формы. Особенно это касалось начальственного состава. Некоторые, кто уже был рядом с местом назначения, оставляли ему свое оружие. Так их возвращение домой было менее компрометирующим.

Когда стемнело, парни осторожно подошли к дому, около которого толклось много людей. Семья дяди Сумы была большой. У него было десять детей, помимо других родственников, которые жили с ними. К тому же в то время года там находились еще и подёнщики, трудившиеся на землях у дома.

Собаки начали лаять, когда почуяли запах недавно прибывших людей. Вышла какая-то женщина, молодая девица. Увидев тени под большой сосной, она снова вошла в дом. Чуть погодя появился высокий и статный Хусто Сума в сопровождении своего рослого сына Хункаля.

– С богом, господа, что вас принесло сюда?

– Послушайте, как вы видите по нашей форме, мы идем с фронта. Я из Валенсии, а этот, – он указал на Дамиана, из

Мадрида. Мы идем к себе домой. Мы уже несколько дней не ели и пьем воду из луж. Не могли бы вы дать нам что-нибудь поесть и попить дождевой воды из резервуара около дома. Уверяем вас, что мы мирные люди.

– Еды у нас мало, к тому же у нас много ртов в этом доме, но что-то съестное найдется. Здесь мы все христиане. Проходите в дом и садитесь за стол.

Они ели ту же еду, что и вся семья. Попробовали хорошего вина, которое приготовил дядя Сума, и напились вдоволь свежей дождевой воды из резервуара около дома. Им уже готовили место для сна на сеновале, но Дамиан Красный и чужак сказали, что предпочитают продолжать свой путь ночью, чтобы не сталкиваться с большим количеством людей. Когда они уже собирались проститься, Хусто Сума спросил их, не хотят ли они избавиться от формы. Он сказал, что мог бы дать им бывшую в употреблении одежду, которой в его доме было предостаточно.

– А что вы сделаете с формой? – спросил его Дамиан.

– Пускай тебя это не беспокоит, сынок. Ту, что можно, мы используем. В поле всегда нужна крепкая одежда, чтоб работать. А ежели не сможем, то она пойдет на заплатки.

Капитан воспользовался случаем, чтобы избавиться от своей формы. Ему было жаль оставлять свой китель, но он полагал, что это было самым разумным решением. Ему все еще предстоял долгий путь домой, и чем меньше он будет привлекать внимание на тех богом забытых дорогах, тем

лучше.

Дамиан решил не переодеваться. Ему было уже недалеко до дома, и в любом случае опасность могла его подстеречь и в самом Эль-Рольо, поэтому там ему будет все равно, идет ли он как крестьянин или как солдат.

Как только капитан переоделся, они отправились в путь и прошли вместе большой отрезок дороги в западную сторону. Затем они расстались. Капитан продолжил идти на запад, а Дамиан свернул на юг. По сельской тропке, как и на протяжении всего пути, он держался пика горы Алморчон, направляясь к реке Сегура. Дамиан перешел ее около Вередильи и поднялся до полей Кахитан, оттуда до посёлка Эль-Рольо было рукой подать.

* * *

Красный не решился сразу пойти в свой дом в Эль-Рольо. Дамиан думал, что его будут ждать, и это не могло предвещать ничего хорошего. Он направился к слиянию рек Кипар и Сегура, в каньон Альмаденес, к водам повыше Ла-Мулаты. Там Дамиан устроился в укрытии под туфом. В течение нескольких дней, когда темнело, он ходил в Бульяс и Эль-Рольо. Паренек хотел посмотреть, какая была обстановка. В темноте его не узнавали. Он очень изменился с тех пор, как ушел в 17 лет. Дамиан осторожно расспрашивал жителей. В Эль-Рольо его все же узнали. Ему рассказали о положении

дел в посёлке, о том, что произошло после окончания войны, о случившемся с его отцом, Антоном Красным. Пареньку посоветовали вернуться. До того дня, не считая ситуации с его отцом, в Эль-Рольо не было гонений против жителей. Казалось, что Королевский Сержант взял ситуацию под свой личный контроль, и фалангисты там не появлялись, боясь имени, написанного в документе, который он всегда хранил в кармане своего пиджака и перед которым все они отдавали честь в один голос.

Дамиан решил вернуться. Однажды парень пришел домой на закате. Бабушка Амалия Хесус чувствовала, что он придет тем вечером и ждала его скрепя сердце. Она предчувствовала его появление, но боялась, сомневаясь в своей собственной правоте, думала, что ее особое чувство может сыграть с ней плохую игру из-за желания снова увидеть своего Дамиана. Бабушка его буквально зацеловала, когда он оказался на пороге дома. Она не сдерживала себя. Антон Красный терпеливо ждал, пока бабушка насладится этим моментом. Затем он медленно подошел к сыну и обнял его по-особому, как никогда раньше не делал и как никогда больше не сделал.

Вся семья села обедать и ела то, что приготовила бабушка. За едой говорили мало. Затем Амалия Хесус принялась лечить раны своего Дамиана, мыть его. В это время приходили жители Эль-Рольо, по одному или группами. Они хотели увидеть Дамиана, единственного выжившего из тех, кто

уехал на грузовике. Последнего героя. Бабушка им не позволила. Проведя столько времени без сына, она не хотела делить его ни с кем хотя бы только один день. Амалия Хесус вышла на порог дома и сказала, улыбаясь своей лучшей улыбкой:

– Дамиан хорошо себя чувствует, но он очень устал. Дайте ему поспать, завтра вы его увидите.

И они ушли, довольные тем, что парень вернулся. У них еще будет время поговорить с ним долго и обстоятельно.

Амалия Хесус позволила войти только Марии, невесте Каобы. Девушка вся в траурном одеянии заключила ее в долгие объятия и поцеловала в щеки. Она ничего не сказала бабушке, вышла из дома рыдая, но никто не видел ее слез. Бедняжка плакала внутри. Слезы закончились у нее из-за долгого плача по Каобе.

Дамиан встал на третий день внутренне очистившимся. Первое, что он сделал, это спрятал оружие деда. Они с Антоном Красным зарыли его среди кактусов, хорошенько смазав *на всякий случай*, как говорил дед. Но Дамиан знал, что этот *случай* не наступит еще многие годы, поэтому он не скупился, смазывая оружие маслом.

Парень оставался дома в течение нескольких дней. Он не знал, что делать: искать ли ему работу, явиться в уполномоченный орган в Бульясе или спрятаться в горах. В конце концов Дамиан решил подождать. Днем и ночью в посёлке посменно дежурили, чтобы предупредить его на тот случай,

если за кем-нибудь придут фалангисты. Украдкой дежурили те же самые, кто патрулировал во время войны, чтобы избежать «прогулок». Но никто не пришел.

Однажды в поселок прибыло два жандарма. На лошадях. Они прошли по всем домам, спрашивая, вернулись ли солдаты с фронта. Зашли они и в дом дедушки с бабушкой и задали тот же вопрос. Амалия Хесус сделала серьезное лицо и сказала им:

– У меня двое сыновей на фронте, но еще ни один не воротился.

– Так пускай как только придут, – сказал жандарм, – направляются в Муниципалитет Бульяса. Лучше, если они принесут с собой поручительство о хорошем поведении и верности доблестному национальному восстанию.

И стражи порядка ушли в неизвестном направлении. В доме начали дежурить. Нужно было найти то чертово поручительство. Дед знал только одного человека, который мог его подписать, – дядю Королевского Сержанта. Когда Антон Красный вошел в его дом на закате, дядя Сержант сказал ему:

– Красный, тебе не надо даже просить меня о том, что тебе нужно. Я знаю, зачем ты пришел. Я подпишу поручительства для всех в посёлке, и особенно для твоих Дамиана и Рамиро, дай бог, они вернутся. Что я не смогу написать, так это то, что твой Дамиан верен восстанию. Черт побери, в Бульясе этому никто не поверит! – воскликнул он, добавив немного

ехидства в такой напряженный момент.

* * *

С тем поручительством дядя Дамиан направился в уполномоченный орган в Бульясе, и его оставили в покое до тех пор, пока снова не призвали в войско Франко, чтобы служить. Сначала его направили в Лорку. Там он пробыл более шести месяцев. Затем его перевели в Кадис. Это был транзитный пункт по пути на Канарские острова, около Лас-Пальмас-де-Гран-Канария, где он находился на службе три года.

Дамиана шокировали обычаи островитян, особенно один из них, противоречащий обычаям, существовавшим в Эль-Рольо. Пребывая на острове, Дамиан начал ухаживать за одной красивой девушкой из тех мест, когда им уже позволили иногда гулять по вечерам. Дело зашло далеко, и эта девушка пригласила его в свой дом. Дамиан стал официальным претендентом на ее руку. Больше всего его удивило то обстоятельство, что он встречался с ней в доме родителей, наедине в ее комнате, где их никто не беспокоил. Единственным и важным условием были всегда открытые двери в комнату, но при этом никто не совал туда свой нос. Такое поведение было немислимым в Эль-Рольо. Неженатый мужчина и незамужняя женщина одни в комнате без контроля и наблюдательного взгляда тещи или дежурного ружья! Это бы опо-

рочило доброе имя любой девушки. Дамиан, здраво рассуждая, пришел к выводу, что в каждом месте свои собственные обычаи и в каждом месте нужно поступать так, как заведено.

Первые месяцы в штабе были самыми тяжелыми. Плохо накормленные, плохо одетые, плохо обутые, они слонялись без дела. Хорошо еще, что климат был благоприятным. По крайней мере, мужики не мерзли. А вот обращались с ними ужасно: одни оскорбления и удары хлыстом, а порой и прикладом винтовки. Сержанты Франко слишком распускали свои руки, и пощечины сыпались с удивительной легкостью. Солдаты еще не успевали понять, в чем дело, как пять пальцев руки какого-нибудь сержанта, пробившегося с низов, оставляли жгучие следы на их лицах.

Настроения постепенно накалялись. К этим действиям добавлялись еще оскорбления от «козлы» и «сукины дети» до более сильных. Затем фразы о том, что вы красные, что мы отрежем вам яйца, что вы трусы, что мы у вас выиграли войну, что вы ни на что не годитесь, что лучше заморить вас голодом, чем тратить на вас пули.

При таком положении вещей произошло то, что должно было произойти. Однажды утром в разгар построения чаша переполнилась. Солдаты Национальной армии переборщили с одним пареньком. Должно быть, он пошел на войну с самыми молодыми призывниками. Его били руками, хлыстами, швырнули на землю и стали пинать. Франкисты продолжали издеваться, когда вдруг какой-то Калаорра, хаб-

рец, которых мало, нагнулся, схватил камень, сжал его, взвесил и, недолго думая, с завидной меткостью запустил в голову одного из сержантов, участвовавших в избиении юноши. Мужик кинул его, чтобы причинить боль. От сильного толчка сержант опустил голову и поднес руку к тому месту, куда пришелся удар. Он не понял, что произошло. Только чувствовал что-то теплое и влажное между пальцами. Когда франкист убрал руку, кровь полилась с большей силой. Он смотрел вокруг и не осознавал, что случилось, пока не увидел камень примерно в метре от себя и все понял.

– Какой сын красной суки решился на это? Ежели кишка не тонка, то пусть скажет, ядрить его мать, убью его прямо сейчас.

Калаорра уже собирался подскочить к сержанту, когда сзади посыпались камни всевозможных размеров в этого и других франкистских сержантов, капралов, солдат и офицеров. Никто этого не ожидал. Все они вынуждены были бежать и прятаться за углом. Красные начали руками рыть землю. Никто не знал, где они смогли достать столько камней. Республиканцы не двигались с места. Они стояли там, швыряя камни в тех, кто приближался.

Солдаты Национальной армии начали угрожать. Они говорили о том, что убьют всех прямо на месте. Расстрельная группа заняла позиции на безопасном расстоянии, таком, куда не долетали камни. Раненный в голову сержант уже жаждал расквитаться с красными.

С той стороны, откуда летели камни, раздался возглас:

– Мы проиграли войну, но не потеряли достоинства. Ежели вы будете продолжать так с нами обращаться, лучше убейте нас всех сейчас. Мы храбрее вас, и мы больше испанцы, чем вы. А ты, раненный в голову сержант, снимешь погоны и сразишься с одним из нас. На равных. И поглядим, у кого кишка не будет тонка.

Страсти достигли своего апогея, когда прибыл командир полка. У него было достаточно способностей и ума, чтобы навести порядок. Он заговорил успокаивающим голосом.

– Господа, война закончилась, и мы здесь никого убивать не станем. Все по своим местам и забыли о своих обидах. Я не хочу видеть, как еще летят камни. Из-за того, что произошло, не будет гонений, и с сегодняшнего дня отношение к вам изменится. По крайней мере, пока я команду.

И это было правдой. Полковник Франко сдержал слово. С того дня прекратились систематические унижения. Хотя некоторые солдаты Национальной армии пользовались малейшей возможностью, чтобы напомнить красным об их положении побежденных. Полковник даже увеличил паек, дал лучшие одежду и обувь, а также позволил прогулки по вечерам и по воскресениям после церковной службы.

Глава IV

Рамиро Фернандес Валера

Рамиро Фернандес Валера был вторым сыном дедушки Антона Красного и бабушки Амалии Хесус. Когда все юноши старше 18 лет уехали на грузовике в Мадрид, Рамиро остался в Эль-Рольо с младшими.

Он проводил время с Мануэлем Слепым, сыном Королевского Сержанта. Было не важно, как Рамиро приближался к нему. Хотя он делал это бесшумно, Мануэль всегда его узнавал. Он поднимал голову, принюхиваясь и прислушиваясь...

– Рамиро, это ты? Не притворяйся, я знаю, что ты там... Давай, пойдем, я тебе покажу гнездо, которое сегодня нашел.

Часто к ним присоединялся Хуанико Ослиный Убийца. Это был немного сумасшедший мальчик. Он лишился отца, когда ему было восемь лет, и с тех пор взял на себя заботу о матери и младшей сестре. Паренек зарабатывал себе на жизнь тем, что в течение нескольких лет возделывал небольшой участок земли своей матери и возил дрова для дома, используя упрямого осла.

Затем Хуанико стал работать на шахтах Хилико. Там он зарабатывал больше и получал зарплату регулярно. Однажды в субботу, вскоре после начала войны, Хуанико не вернулся домой по окончании рабочего дня. Его мать, очень

взволнованная, пришла в дом Антона Красного, чтобы справиться о своем сыне. Дед сказал ей, что встречался с ним на работе и даже видел, как тот шел по направлению к дому. Красный сказал этой женщине, чтобы она не волновалась, что, может быть, Хуанико отправился с каким-нибудь приятелем в Сехин или Бульяс пропустить по стаканчику вина. Была суббота, и им заплатили подённую за неделю.

Но паренёк больше не появился. Его искали в полях и в горах. Даже спускались на плотину реки Кипар в поисках тела, но безрезультатно. Мать подумала, что сына убили, чтобы украсть заработок, и облачилась в траурные одежды.

* * *

Прошло время, дядю Рамиро отправили на войну в марте 1938 года. Он был направлен на фронт Эстремадуры в провинции Кордоба около городка Инохоса-дель-Дуке. В тех землях он провел большую часть времени, что был на войне.

Его фронтовой опыт был ужасен. Говорили, что фронт Эстремадуры был спокойным, но там солдаты дохли как клопы, когда развязывался какой-то бой. Бригаду дяди Рамиро истребили через несколько недель после прибытия. Их отозвали, чтобы пополнить отряды и дать им отдохнуть. В тылу в течение нескольких дней Рамиро видел то, что осталось от других частей.

Однажды, когда их снова снарядили и они ждали под-

крепления, чтобы сменить другую бригаду на первой линии фронта, Рамиро сел на холм на дороге посмотреть на проходивших солдат, которые только что вернулись с первой линии. Их вели еще дальше в тыл, чтобы они отдохнули. Парню показалось, что среди тех потерпевших неудачу мужиков он увидел знакомое лицо. Рамиро присмотрелся получше:

– Черт возьми, быть не может, да он ведь похож на моего Дамиана. Блин, да это ж мой брат. Эй, Дамиан, Дамиан, сюда, это я, Рамиро.

Они крепко обнялись и плакали от радости в течение довольно долгого времени. Остальные солдаты похлопывали их по плечу, поздравляли...

– Откуда ты идешь, Рамиро? Как ты оказался здесь? Ты что, записался добровольцем?

– Нет, Дамиан, я пришел по призывной повестке...

– Как родители и братья, как вся семья? В посёлке есть еда? Они голодают? Расскажи мне быстро... потому что я не могу остаться с тобой.

У них едва ли было время, чтобы поговорить, так как бригада, к которой был прикреплен Дамиан, должна была продолжать свой путь в направлении, противоположном тому, куда вели его брата. Рамиро шел с ним на протяжении большого участка дороги, отвечая на все вопросы. Одновременно он осознавал, в каком плачевном состоянии находится его брат. Дамиан сильно похудел, все его обмундирование было изорвано в клочья, на нем даже не было обуви. Вся одежда

пребывала в ужасном состоянии, к тому же он был грязен и не брит.

– Погоди, – сказал ему Рамиро и побежал к своему отряду.

Дамиан не мог оставаться на месте и продолжал медленно идти, чтобы дать своему брату время себя догнать. Через несколько минут пришел Рамиро со штанами, мундиром, альпаргатами¹². Он также принес мыло и смену нижнего белья. Все это он отдал своему брату.

– Помойся и надень эту одежду, когда сможешь. Приведи себя в порядок и береги себя. Ты плохо выглядишь.

– Рваная одежда не убивает, брат. Убивают бомбы и пули. Но ты не волнуйся, я это надену, как только мы сделаем первый привал. Об одном тебя прошу, Рамиро, будь осторожен, чтоб тебя не убили или сильно не покалечили. Смотри, мы сейчас вдвоем на фронте, и не можем оба погибнуть. Мать умрет от горя, ежели не вернется по крайней мере один из нас. А так как ты самый младший, то ты должен больше беречь себя. Не делай глупостей... – сказал Дамиан брату, улыбаясь в ответ на проявленное с его стороны внимание.

Пришел момент, когда Рамиро уже не мог больше отдаляться от своей бригады и должен был проститься с братом. Он пообещал ему беречь себя. Они обнялись, попрощались, тогда парни еще не знали, что встретятся в день, когда закончится война.

¹² Альпаргаты – плетеная веревочная обувь.

Рамиро не курил, но брал свою порцию табака, как все остальные солдаты. Затем он дарил его своим товарищам или менял на какую-нибудь нужную вещь. Одним утром на первой линии фронта во время перерыва после боя парень угостил своих товарищей табаком. Рамиро убирал табакерку с тем, что осталось, когда позади себя услышал голос:

– Солдат, поскольку ты не куришь, продай мне табаку.

– Я не продаю табак. Я дарю его друзьям... На, скрути себе сигарку, – ответил Рамиро, поворачивая голову.

Он сразу же встал и отдал честь. Это был капитан, который обходил первую линию фронта.

– Ладно, солдат, дай мне этого табаку.

Они сели на землю, и капитан стал скручивать себе сигарку.

– Как тебя звать, солдат? Откуда ты? – спросил капитан.

– Меня звать Рамиро, я родом из одного городка в Мурсии.

– И как дела, Рамиро? Как ты поживаешь? С тобой здесь хорошо обращаются?

– Мы находимся здесь, капитан, сражаемся, как умеем... Да, с нами хорошо обращаются... проблема не в этом...

– А есть какая-то проблема, Рамиро?

– Проблема, проблема... нет, но, меж нами говоря, у нас

здесь больше погибших, чем ожидалось. Люди стараются сделать невозможное... В общем, лучше не вдаваться в подробности...

– Отнесись серьезно к тому, что я тебе скажу. Хотя ты и не заметил, но я уж несколько дней за тобою наблюдаю. Ты храбрый и сильный парень. Мне нужен подобный человек для особых заданий, кто-то проверенный. Я подумал, что, возможно, ты захочешь пойти со мной.

– Но как я уйду вот так, бросив всех моих товарищей? Где я больше всего нужен, так это здесь, на фронте... Они подумают, что я уклоняюсь от службы.

– Послушай, ты не волнуйся из-за этого. На войне солдаты идут туда, куда им приказывают их командиры. Единственное, что ты делаешь, это подчиняешься приказам.

– Ну, ежели это так, то командуйте...

На том и закончился их разговор. Однако командирам части, к которой относился Рамиро, совсем не понравился такой поворот событий, и они сделали все возможное, чтобы помешать молодому солдату уйти. Офицеры уступили тогда, когда пришел письменный приказ из штаба бригады.

Капитан и Рамиро ушли в тыл, где базировался их штаб. Они вели свою работу на различных участках фронта. Кстати, дядя Рамиро никогда не рассказывал, в чем она состояла. Однажды он упомянул, что в ряде случаев они переходили на вражескую территорию, чтобы выполнить порученные им задания.

Прошло несколько недель с тех пор, как Рамиро находился под командованием капитана. Однажды во время отдыха он увидел, как прибыл грузовик с припасами, который вез паёк его прежним сослуживцам. Он остановил водителя и попросил отвезти туда, где тот будет раздавать еду. Когда Рамиро прибыл к товарищам, они обрадовались, увидев своего старого друга.

Солдаты ели свой паёк, запивая его небольшим количеством вина, когда бывшие командиры Рамиро прошли рядом. Они удивились, увидев его здесь.

– Ну, Рамиро, раз твоя особая служба уже закончилась, то останешься с нами.

– Она еще не закончена. Я по-прежнему закреплён там, просто сегодня пришел повидать друзей.

– Ну, отсюда ты не уйдешь, даже ежели будешь стараться. К тому ж этим утром ожидается нападение. Мы поставим тебя в самом лучшем месте, чтоб ты насладился боем.

Рамиро совсем не понравились эти угрозы. Он подумал, что если останется на ночь, то, возможно, не вернется живым отсюда. Парень повел себя разумно и не стал с ними спорить. Он собирался уехать на том же грузовике, на котором приехал, после того как тот закончит развозку. Так Рамиро и сделал. Но один командир догадался о его намерении и попытался задержать. Поскольку грузовик не остановился, он выстрелил из своего пистолета. К счастью, ни одна из пуль не достигла ни грузовика, ни солдат, которые ехали в

кабине. Самое любопытное, что больше никто не стремился схватить их.

Командиры незамедлительно сообщили о предполагаемом дезертирстве солдата. Рамиро спасло одно: по прибытии к месту своего назначения он поговорил со своим капитаном и рассказал ему о случившемся. Сначала Кардона сильно отчитал Рамиро за то, что он уехал без разрешения, а затем пошел в штаб бригады и все уладил.

* * *

Лейтенант Америко Кардона принадлежал к майоркинской семье торговцев, в которой все были либеральными республиканцами. Юный Америко, к неудовольствию своего отца, решил вступить в вооруженные силы. Через некоторое время, благодаря связям семьи, он получил пост атташе в военном ведомстве Посольства Испании в Париже. Завидная должность для молодого военного с либеральными взглядами.

Вскоре республиканские идеи показались Кардоне слишком узкими. Он постепенно радикализировался и в итоге проникся социалистическими идеями. После победы народного фронта образовалась свободная вакансия в военном ведомстве Посольства Испании в Москве. Америко попросил назначить его в столицу большевистской революции. Там его и застало восстание Франко и других военных. Он подумал,

что произойдет то же, что и с санхурхадой¹³ несколько лет назад, и все отделаются испугом. Однако когда стало очевидно, что все будет по-другому, он попросил, чтобы его перевели на полуостров и отправили на фронт.

Но хаос, царивший в различных министерствах, вынудил Кардону остаться в Москве. К тому же не было большого доверия к профессиональным военным. В Мадриде считали, что будет лучше, если он продолжит службу в Посольстве, далеко от фронта, пока ситуация немного не стабилизируется. А пока Кардона был очень полезен в переговорах с советским правительством по поводу отправки военной помощи в Республику.

Позже Америко Кардону отправили в Испанию, его повысили до звания капитана и распределили в особое разведывательное подразделение вооруженных сил. Он прошел почти через все фронты, а в начале лета 1938 года получил назначение на фронт Эстремадуры. Кардона набирал людей, чтобы пополнить силы, когда столкнулся с Рамиро. Ему понравился паренек, и он увел его в свой разведывательный отряд.

Кардона стал членом Компартии в декабре 1937 года. Когда в начале 1939 года ситуация стала критической после падения Каталонии, он выступал за ведение войны до конца. Капитан полагал, что международная ситуация может стать благоприятной уже через несколько месяцев, и поэтому нуж-

¹³ Санхурхада – военное восстание под руководством генерала Хосе Санхурхо в 1932 г., которое было подавлено Правительством.

но было сопротивляться любой ценой. Так или иначе, было бы лучше проводить поэтапное отступление до портов восточного побережья и организовать эвакуацию всех тех, кто хотел, на сильном республиканском флоте, который еще сохранился. Но в начале 1939 года все усложнилось с побегом флота в Алжир и государственным переворотом Касадо.

Одним мартовским утром капитан Америко Кардона получил радиограмму. Нужно было без ослабления фронта собрать все верные правительству доктора Негрина силы, которые только было возможно, и направиться в Мадрид. Он выполнил полученные приказы и с помощью Рамиро и других преданных людей объединил силы, которые смог, а потом срочно отправился в Мадрид. Отряд прибыл на следующий день в самый разгар сражений и присоединился к людям Гильермо Асканио, стойко воевавшим в центре города с мятежниками, которых им удалось загнать в Министерство финансов и его окрестности.

* * *

Когда Америко Кардона и его люди прибыли в Мадрид, то вступили в бой еще до того, как слезли с грузовиков. Солдаты забрались почти в пасть волка, сами того не зная. Они сражались без перерыва более 48 часов, без сна и отдыха. Рамиро потерял счет времени и уже не мог с точностью сказать, сколько дней длились бои.

Однажды вечером все стихло. По просьбе Касадо было объявлено перемирие. Победенные касадисты сдали свои позиции и отступили. Мужики, с которыми шел Рамиро, стали занимать эту территорию, чтобы выдержать возможную ночную контратаку. Они вошли в подъезд одного дома и обнаружили там девять тяжелораненых человек, валяющихся на полу.

Те не жаловались. Не кричали. Они были в полубморочном состоянии, и их мучила агония. Кто-то заговорил о том, чтобы добить этих солдат прямо там, но в конце концов решили, что их должны осмотреть санитары. Однако те так ничего и не смогли сделать: все мужики были смертельно ранены. По приказу капитана Кардоны Рамиро подошел к ним с намерением установить личность каждого и зафиксировать смерть. Но они едва ли могли говорить.

Когда Рамиро выполнял это поручение, ему показалось, что он увидел знакомое лицо в полумраке подъезда. Оно очень изменилось, но у парня не возникло сомнений: это был Хуанико Ослиный Убийца.

– Эй, Хуанико, это ты? Приди в себя, мужик. Это я, Рамиро, сын Антона Красного.

Хуанико открыл глаза, но не узнал своего собеседника, а только попросил воды, чтобы смочить свои засохшие губы.

– Но, черт побери, Хуанико, прийти, чтоб позволить всадить в себя пулю, когда война уж скоро закончится. Как тебя угораздило сражаться против своих здесь, в Мадриде?

– Нам сказали, что ежели поможем войне закончиться, нас не привлекут к ответственности, когда мы вернемся домой, – успел сказать Хуанико, пока держал Рамиро за руку. – Слушай, ты взаправду сын дяди Красного из Эль-Рольо? Ну, гляди, какое совпадение, что мы встретились нынче, когда я умираю...

– Да, это я... Спокойно, приятель, ты не умрешь... мы еще вместе пойдем в наш городок, когда ты поправишься.

– Да нет, Рамирико, мне теперь не выбраться. Не говори в Эль-Рольо, что я умер, сражаясь против Негрина. Никто этого не поймет. Даже я не понимаю, почему, черт возьми, я здесь. Скажи моей матери, ежели она еще жива, что ты видел, как я умер, и что я не умер, как трус. Бедняжка, верно, страдает, потому что я ей ничего не сказал перед уходом, не писал ей и не навещал ее все это время... теперь я сожалею об этом...

Когда Хуанико остался без отца, он вынужден был сводить концы с концами, чтобы содержать мать и сестру. Парень занимался всем, чем только мог, даже воровал. Однажды он сломал ролик фуникулера на шахте, чтобы украсть кабель, да так неудачно, что ему на ногу упало железное колесо и перебило кости в нескольких местах. Хуану наложили на ногу шину в Бульясе, но кости срослись плохо, и он остался хромым на всю жизнь. Это была не очень выраженная хромота, но она была заметна при ходьбе. Так он стал Хуанико Хромым. Паренёк всегда был сердит, и некоторые

утверждали, что это из-за хромоты и постоянной боли в ноге. То и дело Хуанико срывался на большого осла, который у него был, постоянно бил его и наказывал. С ним он зарабатывал на жизнь, возя дрова для домов и хлебных печей в Эль-Рольо, Ла-Копе и Бульясе.

Но осел не отставал. Как и следовало ожидать, от подобного обращения он взъелся на своего хозяина и возвращал ему наносимые им удары в форме ляганий и укусов, которые, в свою очередь, раздражали хозяина еще больше. Походы в горы за дровами превращались в настоящую битву. Осел сопротивлялся всеми силами, чтобы не везти груз, а когда, наконец, после применения всех возможных хитростей Хуану удавалось погрузить дрова, бедный осел кричал как зверь. По шуму, который их сопровождал, все в Эль-Рольо знали, когда приходил Хуанико с ослом, везущим дрова. Животное возвращалось такое сердитое, что снять с него груз тоже было проблемой, поскольку оно кусалось и пинало, куда попало.

Хуан жил с ним в постоянной вражде, но осел выигрывал у хозяина партию. Жители Эль-Рольо говорили ему:

– Хуан, будь осторожен с этим ослом, он тебя убьет...

Вдруг осел поменял стратегию. Он перестал вести себя плохо и стал слушаться Хуана. Когда хозяин начал ему доверять, однажды во фруктовых садах в пойме оврага он бросился без предупреждения и сильно искусал Хуана. Осел кусал его за руки, за ноги, за бок, и за задницу... В другой раз

животное так его лягнуло, что мимоходом задело голову. Хуану повезло: осел только порезал его над ухом. Цирюльник зашил ему рану...

– Хуан, ежели бы он ударил тебя в полную силу, то сразу убил бы. Он тебя там бы и оставил... Пресвятая Дева, с этим чертовым ослом...

Однажды Хуан отправился с ослом в горы за дровами. Они пошли в Ла-Пенья-де-Ангостос. Осел опять заупрямился, и Хуан затащил его на самую высокую точку Ла-Пеньи и бросил с обрыва. Бедное животное сильно пострадало от удара, но не умерло, а ревели в агонии. Хуан спустился к ослу, схватил самый большой камень, который смог поднять, и несколько раз ударил им его по голове, пока тот наконец не перестал кричать.

– Хуанико, ну какая же ты скотина! Слушай, как можно было вот так убить бедного ослика. Ты бы мог продать его цыганам, по крайней мере, выручил бы какие-то деньги за это животное...

– Ну, осел умер так, как заслужил, из-за того, что пытался убить меня, – говорил Хуан, как будто вынося ему приговор.

После того случая Хуан перестал быть Хромым и стал Хуанико Ослиный Убийца. В субботу, когда парень исчез по дороге домой, он просто пошел в Сеехин выпить немного вина. Там он встретился с друзьями. До вечера мужики ходили по тавернам, выпивая и кичась тем, что пойдут доброволь-

цами в Железную колонну¹⁴. Никто не помнил как, но все закончилось тем, что на следующее утро они сели в поезд на Мурсию и через несколько дней были записаны в анархистский батальон Панчо Вилья Железной колонны.

– Вот так я и записался, не совсем представляя, что делал, – рассказывал он Рамиро, корчась от боли в подъезде незнакомого дома в Мадриде. – Будь оно неладно, отвезли меня на большой склад, который там был, и сказали, чтобы я взял оружие, которое захочу. Но, черт побери, какое же мне было взять, ежели я никогда никакого в руках не держал... И тогда один мужик из Съесы, который был рядом, посоветовал мне карабин, потому что, по его словам, им легче управлять.

– А где ты был потом? – спросил его Рамиро.

– Черт возьми, лучше спроси, где я не был. Да я был на всех фронтах. Мне всадили пули во все бока. Но, Рамиро, самым дурным местом был Теруэль, мать твою. Это была настоящая бойня, везде пули лились дождем. Стоило только отвлечься, как твоего товарища, который находился рядом, уже разрывало выстрелом. На самом деле, я не могу себе объяснить, как я избежал пули. И все это для того, чтобы приехать сюда и чтобы меня убили...

– Спокойно, Хуанико, я тебе уже сказал, что ты не померешь. Вот увидишь, что это поправимо. Сохраняй спокой-

¹⁴ Железная колонна – отряд народной милиции, который воевал во время Гражданской войны в Испании в 1936–1937 гг.

ствие, скоро мы отвезем тебя в больницу...

– Рамиро, я хочу спать, я вздремну, а потом продолжу рассказывать тебе о своем приключении.

– Не засыпай, Хуанико, продолжай рассказывать мне что-нибудь. Ты говоришь интересные вещи...

Но Хуанико Ослиный Убийца, закрывая глаза, положил голову на бедро Рамиро, думая, что для того, чтобы поспать, но оказалось, чтобы умереть. Рамиро сидел неподвижно, как будто боялся разбудить его каким-нибудь своим резким движением. Так он провел несколько часов, пока за ним не пришли товарищи. Они унесли безжизненные тела девяти касадистов, в том числе и труп Хуанико Ослиного Убийцы. Солдаты погрузили их в грузовик, который уехал в неизвестном направлении.

* * *

Пока длились переговоры о перемирии, Касадо перевел в Мадрид подкрепление из Эстремадуры, с восточного побережья и из Монтес-Универсалес. В Мадрид также прибыли силы IV военного корпуса, которым командовал Сиприано Мера. Мятежникам было ясно, что перемирие является лишь способом выиграть время. У анархистов Мера был особый интерес убить коммунистов. Меж ними прошел слух, будто им *разрешили* отомстить за то, что произошло в Бар-

селоне в мае 1937 года¹⁵.

Наконец стороны пришли к соглашению после нескольких дней переговоров и перемирия, которое так и не было соблюдено. Коммунисты поверили в достигнутые договоренности и вернулись на свои позиции. Но мятежники не сдержали своего слова даже в течение 24 часов. Они сразу же стали делать перестановки в кадрах коммунистов и арестовали весь военный командующий состав и гражданских руководителей. Многие были сразу же расстреляны, а остальные переданы Франко несколько дней спустя.

Пока Касадо вел переговоры о перемирии с коммунистами в Мадриде, в то же самое время он обсуждал с Франко условия передачи того, что осталось от Республики. Но ему практически не о чем было договариваться с Франко. Оставалось только принять условия, которые тот навязывал, что Касадо впоследствии и сделал. 28 марта передовые отряды Франко вошли в Мадрид. Командир Прада от имени Совета обороны официально передал город. В этот же день были заняты города Аранхуэс и Оканья, и войска Франко начали продвигаться по территории Республики в направлении Аликанте. Рано утром 29 марта группа войск центрального района Испании получила письменный приказ об окончании военных действий. Многие наивно подумали, что был

¹⁵ В мае 1937 г. в Каталонии произошло военное столкновение между троцкистскими и анархистскими вооруженными силами и военными силами Республиканского правительства.

достигнут *достойный мир*.

Но общая паника началась раньше, когда в столице все уже было ясно. Дядя Рамиро с капитаном Кардоной и всеми выжившими мужиками из той колонны противников Касадо решили пойти в направлении Эстремадуры, в то место, откуда они отбыли несколько дней назад. Солдаты остановились, чтобы устроить небольшой привал в окрестностях Аранхуэса. Прошел слух, что некоторые республиканские части, которые уже начали распадаться, покидали фронт без всякого приказа.

Несмотря на всю очевидность происходящего, капитан Кардона по-прежнему был убежден, что нужно продолжать сражаться, поэтому он настаивал на возвращении в место отбытия на фронт Эстремадуры. Необходимо было держать фронтовые линии любой ценой. Он спорил об этом со своими людьми на одном из перекрестков Аранхуэса, когда Рамиро почувствовал, что его трогают за плечо.

– Рамиро, это ты? Боже мой, брат, я с трудом тебя узнал.

Обернувшись, Рамиро увидел своего брата Дамиана. Сейчас тот выглядел намного лучше, чем год назад, когда он его встретил, хотя был серьезным и молчаливым. Они оба стали мужчинами на войне. Братья обнялись и поцеловались.

– Дамиан, ты жив! Как долго не было от тебя вестей. Я уж давно не получал от тебя никаких писем и начал думать самое худшее.

– Что ты здесь делаешь, брат? Как хорошо, что мы встре-

тились, сейчас мы оба можем вернуться в Эль-Рольо.

– Что ты говоришь, Дамиан! Я никуда не буду возвращаться. Война ещё не закончилась. Нам нужно продолжать сражаться, а не то это обернется бедой.

– Брат, – ответил ему Дамиан, – война закончена, и она проиграна. К сожалению, здесь уж нечего делать, надо только уйти, как можно дальше от войск Франко, чтобы не дать им всадить в себя пулю.

– Да что ты говоришь? Ещё не все потеряно. Хоть Мадрид и пал, в Эстремадуре фронты оказывают сопротивление, да и в Валенсии тоже. Помимо этого, у нас ещё есть Альбасете и Мурсия... К тому ж...

– Не упорствуй, брат. Ситуацию уж не исправить. После того, что произошло с Касадо и другими мятежниками, нам уж ничего не остается. Все готовятся к возвращению домой или к побегу из страны. Те, кто продолжает сопротивляться, делают это, чтобы уехать из Испании или, по крайней мере, вернуться домой или в горы, не попавшись в руки к сторонникам Франко. Я иду домой и рекомендую тебе пойти со мной. Не делай никаких глупостей. Нам и так сильно повезло, что мы остались живы.

– Дамиан, не сердись, но я пойду с моим капитаном. Мы как раз только что решили, что вернемся в нашу часть, на первую линию фронта. Говорят, что оттуда никто не ушел.

– Как хочешь, брат. Делай то, что считаешь нужным. Ты уже мужчина. Как я тебе и сказал, я иду в Эль-Рольо. Пеш-

ком. Ежели передумаешь, возвращайся, может, меня догонишь. Ежели решишь вернуться, избегай посёлков, шоссе, дорог и железной дороги. Иди по полевым тропам. Так будет надежней.

Братья еще довольно много времени провели вместе, даже немного поели. В конце концов они расстались. Все спешили. Когда парни простились, странное чувство овладело ими. Они подумали, что это был последний раз, когда они встретились. Дамиан пошел в направлении Мурсии, а Рамиро – в направлении Эстремадуры.

На следующий день, когда люди капитана Кардоны пересекли Сьюдад-Реаль, они встретились с большим количеством республиканских солдат, идущих в противоположную сторону. Кто-то шел пешком, другие ехали на машинах и в грузовиках... Люди капитана расспросили нескольких человек, и в итоге им стало ясно, что фронт исчез. Они размышляли над тем, что же теперь делать, когда увидели вдалеке пыль, поднимаемую на дороге колонной машин, движущейся в их направлении. Что-то подсказало им, что эта колонна не была республиканской. Отряд отошел от дороги и начал занимать боевую позицию, воспользовавшись неровностью земляного покрова.

Колонна Национальной армии, движущейся в противоположную сторону, остановилась. Франкистские солдаты наблюдали издали, как красные занимали позиции, и наконец лейтенант и сержант были отправлены поговорить с рес-

публиканцами. Лейтенант был молод, и на нем была безупречная форма. Его удивило, что такая многочисленная группа солдат с машинами двигалась в том направлении, где днем раньше все еще был фронт. Он отдал честь республиканскому капитану и задал ему несколько вопросов:

– Куда вы идете?

– Мы идем на наши позиции, но, судя по тому, что я вижу, они уже не найти. Поэтому мы здесь. Не знаем, что нам делать: идти охотиться или продавать собак... идти домой или оставаться здесь... – ответил капитан Кардона.

– Мы останемся здесь... и не дадим никому пройти... – прозвучало несколько голосов республиканских солдат, располагавшихся за горами.

– Вам решать. Фронта уже нет. Война закончилась. Будет глупо, если мы поубиваем здесь друг друга. Вам лучше сдать оружие и вернуться домой, как это делают все...

– Нам никто не сказал, что война закончена, поэтому мы не должны пропускать вас...

– Капитан, вам нужно следовать моим указаниям. Будет лучше, если вы сдадите оружие. Сложите его в грузовики, на которых едете, и отойдите от них. Возвращайтесь в Сюдад-Реаль или куда каждый захочет. Грузовики и остальные машины, которые у вас есть, мы сейчас конфискуем.

У республиканских солдат были недовольные лица, и было слышно, как кто-то скрипел зубами. Но было очевидно, что ничего уже не оставалось делать, как следовать указа-

ниям лейтенанта Национальной армии, чтобы не позволить убить себя прямо там.

В конце концов солдаты сделали то, что им приказали. Все сдали винтовки. Те, кто смог, оставили себе пистолеты, которые у них были. Смельчаки спрятали их среди растений и камней, а самые отчаянные – в одежде. Солдаты Национальной армии не предприняли ни одной попытки обыскать их. После того как у республиканцев отняли винтовки и оружие большого калибра, наличие пистолетов казалось уже чем-то несущественным. Их заберут у них в Сьюдад-Реале или в каком-нибудь другом месте.

Когда закончили складывать оружие в грузовики, прибыло несколько солдат Национальной армии, которые поднялись в кабины, завели моторы и уехали на машинах в направлении колонны, все ещё находящейся на безопасном расстоянии. Затем уже вместе с новыми, вошедшими в нее грузовиками, колонна двинулась и, не останавливаясь, проехала среди республиканских солдат. Солдаты Национальной армии не обращали никакого внимания на республиканских. Они смотрели на них с некоторой грустью, как будто зная, что их ждало. Только некоторые решились отпустить пошлые шутки, но больше ничего не произошло. Колонна быстро проехала, оставив за собой только клубящуюся сухую дорожную пыль. Солдаты Национальной армии спешили прибыть в пункты назначения.

Когда солдаты Франко уехали, красные понемногу начали расходиться. Они были полностью дезориентированы. Многие рыдали от злости, сидя на земле. Республиканцы думали, что возвращались после нейтрализации путча касадистов, а на самом деле оказывалось, что они только что проиграли войну. Это было первое осознание всеобщего поражения. Образовывались маленькие группы, которые шли в различных направлениях. Америко Кардона попытался навести хоть какой-то порядок, но никто уже ни на кого не обращал внимания. Рамиро и его капитан вместе с другими мужиками, с которыми они сформировали группу, отправились в Сюадад-Реаль.

Когда они пришли, была уже почти ночь. Республиканцы встретили патрули солдат Национальной армии, которые направили их к Площади быков¹⁶. Им сказали, что там раздают одеяла, и они смогут поспать, а также съесть небольшой паёк. Республиканские солдаты пошли к указанному месту и там провели ночь. Действительно, им кое-что дали на ужин, но совсем чуть-чуть.

Должно быть, люди не переставали прибывать всю ночь: на следующее утро площадь была заполнена. В полдень, ко-

¹⁶ Площадь быков – арена для боя быков.

гда солнце поднялось высоко, начало тлетворно пахнуть. Люди были грязными и к тому же мочились, где придется, думая, что находятся во временной ситуации.

В течение нескольких дней им позволяли покидать Площадь быков и возвращаться на нее, не чиня никаких препятствий. Многие выходили погулять по городу и окрестным полям. Они искали воду и еду. Постепенно время прогулок сократили и пленных заставляли возвращаться раньше.

Ни Америко, ни Рамиро не сдали свои пистолеты. Никто их не обыскивал и не спрашивал, вооружены ли они. У Рамиро был советский пистолет, который подарил ему сам Кардона. Однажды, в одну из прогулок по городу, они заметили, что прибыли марокканцы. Встречаться с ними было опасно. Марокканцы были очень задиристыми и затевали разного рода стычки как с гражданским населением, так и с солдатами, выходившими с Площади быков. Они уже избили нескольких республиканцев, и прошел слух, что стало рискованно ходить в город.

Через несколько дней после прибытия марокканцев Рамиро и капитан Кардона решились выйти погуляться. Был вечер, после обеда. Они довольно далеко отошли от центра города в поисках еды на ужин в огородах нескольких домов, стоявших уже почти за чертой городского сектора. Вдруг они столкнулись лицом к лицу с командиром Национальной армии. Он шел один с хлыстом в руке.

– Что, мать вашу, вы здесь делаете? Обратно на площадь

сейчас же. Разве вы не знаете, что запрещено выходить с Площади быков?

– Мы искали что-нибудь поесть... – ответил Рамиро.

– Поесть... Да мне насрать! Я тебе дам еду, козел! Сейчас же валите на Площадь быков и не выходите оттуда больше! – ответил командир, одновременно делая вид, что хочет поднять хлыст, который держал в руке.

Рамиро и капитан послушались его беспрекословно и быстро пошли по дороге обратно на площадь. Командир следовал за ними с рукой на кобуре пистолета. Казалось, он был очень зол... Завернув за угол, они вошли в глухой переулок и столкнулись лицом к лицу с двумя марокканскими солдатами, которые сопровождали двух девушек из города. Казалось, все указывало на то, что они собираются завязать отношения, хотя бы и на короткий срок.

Рамиро и капитан продолжали идти, зная, что командир следует прямо за ними. Когда они прошли, марокканцы начали кричать им что-то. Мужики не понимали, что солдаты говорят, но те кричали очень громко и махали руками. Рамиро и капитан ускорили шаг, желая избежать конфликта... Ситуация усложнялась. Они повернули на другой конец улицы и уже могли дышать спокойно, избежав возможной стычки с марокканцами, как вдруг услышали женские крики и два выстрела.

Что им делать? Вернуться назад и посмотреть, что произошло или продолжать идти, как будто они ничего не слы-

шали? В конце концов мужики вернулись. Их одолело любопытство. Они осторожно выглянули из-за угла и стали наблюдать трагическую картину. На земле неподвижно лежали две девушки и один марокканский солдат. Другой крепкий мужик дрался с командиром, которого почти одолел, приклоняя навзничь к земле. Он собирался ударить его в шею кинжалом...

Для Рамиро и Кардоны, привыкших думать со скоростью света, ситуация была абсолютно очевидна. Командир застал солдат в момент убийства девушек. Рамиро и Кардона действовали рефлекторно: достали свои пистолеты и наставили на марокканца.

– Эй, ты... Тихо... Тихо, а то выстрелю, – сказал Кардона.

Марокканский солдат совсем не собирался останавливаться. Он даже не обратил внимания на крики и предупреждения капитана. Возможно, марокканец их и не понимал. Упорствуя в своих действиях, он почти одолел сопротивление командира и уже был готов всадить ему кинжал в глею.

Республиканский капитан не стал долго думать – он выпустил две пули, которые ранили солдата в плечо и в левый бок. Мужик рухнул на командира Национальной армии. Когда Рамиро и Кардона подошли, то смогли оценить весь масштаб стычки. У обеих девушек было перерезано горло, и они лежали на земле в огромной луже крови. Один из марокканских солдат получил пулю от командира и был тяжело ранен.

Другой, который сражался с ним, также смертельно ра-

ненный, лежал на земле, поскольку командиру удалось снять его с себя. Солдат все-таки смог нанести удар штыком в руку офицера, и, если бы не выстрелы Кардоны, он уже порезал бы ему яремную вену.

Командир посмотрел на республиканского капитана, подошел к нему...

– Откуда, черт побери, у вас пистолет? Где вы его взяли?

– Это мой уставной пистолет, командир... – ответил Кардона.

– Ну, я рад, что вы его сохранили. Спрячьте его, чтобы у вас не забрали его сейчас. Большое спасибо... вы спасли мне жизнь. Этот козел был сильнее меня, и уже почти воткнул мне свой штык в шею...

В этот момент прибыл патруль национальных солдат под командованием одного сержанта. Командир изложил им свою версию, и объяснил, что столкнулся с марокканцами, которые убивали женщин. Он не знал причину их действий, попытался задержать их, но не смог. Марокканцы напали на него, и он защищался оружием. Республиканский капитан спас ему жизнь, потому что схватил его пистолет с земли и выстрелил в марокканского солдата, который был готов вонзить в его шею кинжал. Кардону и Рамиро отправили на Площадь быков, а командира отвезли в больницу.

На следующий день уже никому не разрешали уходить с площади. Красные были заперты, и у национальных солдат был приказ стрелять в любого, кто попытается выйти силой.

Таким образом, они стали военнопленными.

Началась нехватка воды и еды. Красные стали нервничать, и между ними возникли первые столкновения. В конце концов они вынуждены были самоорганизоваться. Несколько республиканских офицеров взяли ситуацию под контроль и наладили нормированное распределение воды и еды. К тому же отделили перегородкой участок земли для туалета.

Однажды ночью, почти на рассвете, без предупреждения увезли несколько человек. Это был первый *вывоз*. Никому ничего не сказали. Их увели под предлогом того, что собирались перевезти в другое место. Красные спокойно вышли. Республиканцев посадили в грузовик и отправили в неизвестном направлении. В ночной тишине вдали были отчетливо слышны винтовочные выстрелы.

На следующую ночь все повторилось, и на следующую, и на другую... Запертые на площади, мужики по ночам уходили как можно дальше от двери, через которую входили солдаты Национальной армии. Они жались к ограждению, как быки, которые в преддверии смерти ищут защиты у досок. Но все было бесполезно. Солдаты Национальной армии приходили с фонариками, никто не понимал логику этой процедуры. Иногда они спрашивали имя и выбирали тех, кто, казалось, совпадал с именами в каком-то списке. В другие разы, похоже, они выбирали наугад первого, с которым сталкивались.

Капитан Кардона сказал Рамиро:

– Рамиро, ты оставайся около двери. Не показывай, что боишься, но и не демонстрируй дерзость. Кажись немного равнодушным.

Рамиро попытался сделать то, что посоветовал ему капитан, но на самом деле он боялся, оттого что не знал, жив ли он потому, что делал то, что говорил ему капитан, или потому, что еще не пришла его очередь. Дело было в том, что они терпели эту ужасную ситуацию в течение двух недель. Было невыносимо думать, что на следующую ночь могли выбрать тебя только из-за того, что ты пересекся взглядом с начальником смены в неподходящий момент.

Однажды вечером, около пяти, несколько солдат пришли за капитаном Америко Кардоной. Рамиро, который в тот момент был вдалеке от своего друга, выразил намерение подойти ближе и даже поднес руку к поясу, где хранил пистолет. Но Кардона смог жестом остановить юношу до того, как тот совершит необдуманый поступок. Они простились взглядом. Им было ясно, что они больше не встретятся.

Но... это было не так. Кардону вывели с Площади быков и отвели к зданию в центре города. Его запихнули в кабинет и оставили там одного в течение нескольких минут. Он думал, что его хотели допросить. Но он ошибся. Из боковой двери вышел командир Буэндиа, человек, которому он спас жизнь.

– Добрый день, капитан, как вы?

– Добрый день, командир, пока еще жив, что немало, хотя не знаю, надолго ли.

– Попытаемся, чтобы было как можно дольше. Это будет во многом зависеть от вас. Значит так, мне поручили собрать пшеницу и ячмень от прошлогоднего урожая, которые могут быть спрятаны в окрестных посёлках и полях. В Мадриде не хватает хлеба, ну и не только в Мадриде. У Национальной армии есть более важные задачи, чем эта, поэтому нам необходимо сотрудничество людей, которые у нас здесь есть. К тому же хватит уже бездельничать.

– Любое дело лучше, чем ждать с перекрещенными руками, когда тебя убьют как ягненка.

– Однако не делайте из этого трагедии... все не так страшно. Дело в том, что мы создадим три трудовых лагеря по триста человек в каждом. Мы уведем туда тех, кто есть здесь, на Площади быков. Из них мы организуем поисковые группы, которые в сопровождении вооруженных солдат поедут на грузовиках по окрестностям.

– Командир, я буду говорить с вами откровенно. Если нас будут использовать, чтобы искать пшеницу, а по ночам вводить, чтобы расстреливать, лучше оставьте нас здесь и убейте сразу. При таких условиях ни я, ни кто-либо другой не пойдет искать пшеницу. А если пойдем, то чтобы попытаться сбежать...

– Ну, смотрите, первого, кто попытается сбежать, мы убьем на месте. Что касается всего остального, мы никого не собираемся убивать без разбору. Пребывание в лагере будет временным. Мы не станем никого задерживать дольше, чем

необходимо. По мере того как мы будем получать новости с родных мест каждого солдата о его поведении до и во время войны, мы постепенно будем отпускать всех тех, у кого руки не запачканы кровью.

– А почему вы обращаетесь ко мне? Делайте, что хотите... Я здесь ничего не значу.

– Вы ошибаетесь, капитан, значите, и много. Вы назначаетесь ответственным за людей в вашем лагере. Ищете себе помощников, каких хотите, наладьте распределение еды и воды и следите за гигиеной. Я назначаю вас главным. Завтра утром пусть все садятся в грузовики, которые будут у двери, и хорошо ведут себя во время поездки.

* * *

Трудовой лагерь для интернированных, назовем его так, был устроен в уцелевших постройках одного посёлка. По периметру установили колючую проволоку и несколько наблюдательных постов. В центре сохранились два больших помещения, которые служили в качестве импровизированных зернохранилищ. В них были собраны весь ячмень и вся пшеница, которые пленные смогли найти в окрестностях. В конце концов они собрали большое количество зерна. В том лагере командир установил свой штаб управления, откуда координировал деятельность двух других лагерей. У него были четкие указания в отношении собираемого зерна. Он дол-

жен был передать его интендантской службе войска, не потеряв и не использовав не по назначению ни одного зернышка. Однажды, немного погодя после прибытия, он обратился ко всем заключенным.

– Того, кого увижу хотя бы с одним зерном ячменя или пшеницы, расстреляю тут же, понятно?

Никто ничего не сказал, но для всех было ясно, что командир не шутит. В тот же самый вечер он приказал позвать капитана Кардону.

– Капитан, у вас еще есть пистолет?

– Да, он все еще у меня.

– А вы не думаете его сдать? Я должен буду конфисковать его силой?

– Вам виднее, как поступить. Когда он вам понадобится, просто поищите его.

– Ну, еще посмотрим, что будет с этим пистолетом... – ответил командир. – Сейчас меня больше волнует другое. Как вы знаете, Кардона, пшеница и ячмень, которые были собраны по окрестностям, хранятся в зернохранилище. Мои солдаты уже вынуждены были избить нескольких человек, которые пытались украсть зерно. Предупредите их, что пшеница неприкосновенна, и я буду вынужден расстрелять того, кого застану за воровством. Ячмень также нельзя трогать, по крайней мере, официально, но если исчезнет немного от каждой кучи, я это не замечу.

Капитан посмотрел на командира и ничего не сказал. Он

продолжал идти рядом с ним и слушать его.

– Я знаю, что люди голодают, очень голодают, но мне не дают достаточно еды для них. Вы организуйте это, как сможете, но я не хочу, чтобы от голода здесь кто-то умер, ясно? И пшеницу трогать запрещено...

– Мы будем довольствоваться тем, чем сможем, – наконец сказал капитан.

Кардона позвал Рамиро. И рассказал ему о разговоре с командиром. Вместе с двумя надежными мужиками они сделали дырку под одной из стен, рядом с кучами ячменя. Пшеницу они не трогали, но кормили в течение нескольких месяцев всех заключенных ячменем и крепким бульоном, который им давали два раза в день в качестве официальной доли пайка. Ячмень они поджаривали ночью в консервных банках и ели его еще горячим. Некоторым было трудно его переваривать, но, несмотря на то, что все были чрезвычайно худыми, когда уходили из лагеря, благодаря ему они выжили и не умерли с голоду.

Командир так никогда и не узнал о пропаже ячменя. Он выполнял свои обязательства, отправляя грузовики с пшеницей и некоторые с ячменем. В лагере ответственным за распределение ячменя среди мужиков был Рамиро. Все его уважали, потому что он был справедливым и беспристрастным. Парень использовал разные жестяные банки как меры измерения в зависимости от количества зерна в зернохранилище. Но он всегда отмерял одинаковую порцию ячменя

каждому пленному.

Рамиро долго пробыл в том импровизированном лагере, а когда он вышел, ячменя там практически не осталось. Его весь съели. Парень покинул лагерь вскоре после получения поручительства, подписанного господином Педро Хименесом. Этот документ попросила у него тетя Милагрос Фернандес, Красная, сестра деда Антона Красного. Сначала господин Педро отказывался давать его, говоря, что не знает юношу и не хочет рисковать, подписывая эту бумагу для красного, который может оказаться преступником. Но тетя Милагрос настояла и, защитив честное имя племянника, в конце концов получила поручительство. И, кстати, оно было не единственным. Однако командир лагеря не очень хотел отпускать Рамиро. Тот казался ему очень полезным. Поэтому он скрыл от него, что документ пришел.

Однажды приехал совсем другой грузовик. Он вез закрытый прицеп, заполненный солдатами, и сопровождался тремя машинами. Командование было настороже. Все понимали, что они приехали не за пшеницей. Так и оказалось. Солдаты увезли двенадцать мужиков по списку, который у них был с собой. Их якобы вызывал военный трибунал Сюдад-Реаля.

Когда грузовик уехал, несколько солдат пришли за Рамиро и привели его к командиру.

– Юноша, поручительство, которое мы получили, очень хорошо вас характеризует. Завтра вы пойдете в ваш городок

со свидетельством о возвращении, которое я вам дам. Как только прибудете, отправляйтесь к мэру. Там вам скажут, что вы должны будете делать.

– Я не уйду отсюда без моего капитана, – сказал Рамиро. – Все это время, что я провел на фронте, я был с ним, поэтому не уйду. Я подожду, пока придет его поручительство.

– А если не придет? – спросил его командир.

– Тогда посмотрим.

– Парень, ты завтра же отсюда уйдешь. Или ты хочешь, чтоб тебя погрузили в такой же, как сегодня, грузовик и расстреляли в Сьюдад-Реале или на каком-нибудь пустыре? Завтра ты уйдешь домой без возражений. Здесь каждый должен заботиться о себе. Война закончилась, ты еще ребенок и должен жить своей жизнью, – такими были слова командира.

Между двумя мужчинами установилась тишина. Ничего не говоря, командир вышел из служебного помещения, где он находился, одновременно отдавая приказ не выпускать красного.

Все еще была ночь, когда два солдата Национальной армии вошли в комнату, где был Рамиро. Он заснул на каких-то досках. Его разбудили и отвели в штаб командира. Когда они прибыли и Рамиро вошел внутрь, он застал там капитана Кардону.

– Здесь для каждого из вас свидетельство о возвращении, чтобы вы вернулись в свои родные места или туда, куда захотите. Для меня это уже не важно. Уходите сейчас же из

лагеря и воспользуйтесь ночью, чтобы оказаться как можно дальше. У вас есть 10 минут, чтобы взять то немногое, что вы припрятали, и проститься с друзьями. Через 15 минут я закрою дверь лагеря, и оттуда уже никто не выйдет. Вам ясно? Тогда давайте, убирайтесь отсюда.

Они пожали друг другу руки. Без ярко выраженной сердечности, но очень эмоционально. Ведь этим мужикам удалось найти общий язык.

Рамиро и капитан направились в сторону Альмагро, но не собирались заходить в сам город, а хотели пойти в Вильянуэва-де-лос-Инфантес. Они намеревались добраться до подножья горной цепи Алькарас, а потом на месте решить, что будут делать. Когда они шли уже несколько часов, капитан рассказал Рамиро, что, по словам командира, прибывший утром военный привез ему приказ и список из 15 человек, которых должны были забрать на следующий день, и что в этом списке было его имя, Америко Кардона Пуйоль. Его хотели расстрелять после полевого суда.

Товарищи провели в пути несколько дней: ночью шли, а днем отдыхали. Несколько раз они чуть не столкнулись с солдатами Национальной армии, но им повезло, и они сумели вовремя спрятаться. Добравшись до горной цепи Алкарас, друзья расстались. Рамиро предложил капитану вернуться с ним в Эль-Рольо и прятаться в доме дедушки и бабушки, сколько потребуется, но Кардона сказал ему, что это невозможно, поскольку существует большой риск того, что

его раскроют и накажут за это отца Рамиро и всю остальную семью. Капитан все обдумал: он спрячется в горных цепях Сегуры и Касорлы. Кардона знал те земли с детства, когда сопровождал своего отца, закоренелого охотника, во время охоты. Он планировал скрываться там до тех пор, пока страсти немного не утихнут, а затем, когда сможет, спуститься на побережье через Мурсию, Альмерию или Гранаду и, если получится, добраться до Африки, а оттуда до Америки. Должно быть, ему это удалось, потому что несколько лет спустя пришла загадочная открытка из Аргентины на имя Рамиро Фернандеса Валеры, в которой один друг сообщал ему, что наконец-то прибыл в свой желаемый пункт назначения.

В свою очередь Рамиро было ясно, что он хочет, как можно быстрее попасть к себе домой в Эль-Рольо. Но парень выбрал самую сложную дорогу. Он полагал, что так избежит встречи с солдатами Национальной армии. Рамиро забрался в горную цепь Алькарас и направился к Риопару. Затем из Риопара через Летур, Соковос и Мораталью пошел в Караваку, а оттуда по тропам и дорогам, которые знал с детства, однажды безлунной ночью прибыл к двери своего дома.

Когда паренёк переходил горную цепь Алькарас, он думал, что умрет. За годы своей жизни Рамиро не узнал, что у него есть аллергия на молоко. Он всегда думал, что оно ему просто не нравится. Рамиро не мог переносить даже его запах. Однако в горах, когда у него закончился ячмень, который он смог вынести из трудового лагеря, и ему нечего бы-

ло есть, он почувствовал, что умирает с голоду, и подошел к одиноко стоящему дому, который заметил, чтобы попросить поесть... Старушка сказала, что у нее почти ничего нет. Она вынесла ему домашний творожный сыр и козье молоко. Рамиро был так голоден, что даже не подумал, нравится ли ему молоко или нет, он просто съел сыр и выпил все молоко, что дала ему старушка.

Паренёк простился с этой женщиной довольный и с полным животом. Он не прошел и трех километров, когда почувствовал себя плохо. Его полностью вырвало. Рамиро подумал, что вышел даже ячмень, который он съел три месяца назад. Парень был в полуобморочном состоянии, возможно, обезвожен. Ему повезло, и он смог пить чистую воду из ближайшего ручья. Так юноша провел более 24 часов. Рамиро полагал, что умирает, таким слабым он себя чувствовал.

Его нашли браконьеры, которые пришли охотиться на кабана. Они дали ему поесть то небольшое, что у них было, и приготовили ему постель из листьев и сухих веток в укромном месте под камнями рядом с ручьем. Туда мужики носили ему много еды в течение трех дней. Рамиро отведал мяса кабана – роскошь, которую не видел уже целую вечность.

Когда Рамиро почувствовал себя лучше, он сказал браконьерам, что уйдет этой же ночью. Паренёк поблагодарил их за помощь и попросил не приносить ему еду на следующий день. Мужики постарались убедить его, что еще слишком рано, что он еще слаб и что к тому же опасно ходить в горах.

Там было много солдат, которые обходили дороги и тропы в поисках всех тех, кто ушел из городков, чтобы избежать репрессий. Националисты заполнили замок Йесты людьми и каждую ночь расстреливали многих без суда и следствия. Их отводили в овраги около городка и прямо там убивали. Но Рамиро настоял на своем и ушел. Кстати, это был последний раз в жизни, когда он попробовал молоко.

* * *

Рамиро пришел домой одной августовской ночью 1939 года. Он появился из-за кактусов, которые росли на склоне оврага. Паренёк осторожно постучал в окно, он не хотел сильно шуметь, чтобы не разбудить соседей. Наконец Рамиро увидел глаза своего брата Дамиана, выглядывающего в окно. Он улыбнулся и сказал шепотом:

– Открывай, это я, Рамиро.

– Мать, отец, Рамиро у дверей, он жив... – сказал Дамиан Красный, заглядывая в комнату, где спали бабушка и дедушка.

Когда Амалия Хесус вышла из комнаты, Рамиро уже был в доме, так как старший брат открыл ему дверь. Они долго и крепко обнимались. Бабушка зацеловала его. Проснулись сестра и все братья, которые стали обнимать его и дотрагиваться до него, как будто не веря, что он жив.

Дедушка и Дамиан засыпали его вопросами, и Рамиро на-

чал рассказывать всю свою одиссею с тех пор, как простился со своим братом в Аранхуэсе. Младших отправили спать, чтобы они не слышали то, что не должны были знать, но те легли на полу, просунув головы в дверной проем, чтобы попытаться выведать, о чем говорят взрослые.

Бабушка нервничала: пришел ее Рамиро, а у нее даже не было продуктов, чтобы приготовить ему поесть. Она обшарила все закрома, которые у нее имелись на случай крайней необходимости, подумав, что это был хороший момент, чтобы израсходовать их содержимое. Все ее дети собрались вместе. Никто не умер на войне.

Бабушка только зажгла огонь, чтобы приготовить еду, как кто-то постучал в дверь. Воцарилась тишина. Все подскочили. Кто бы это мог быть в такое время? Наверняка кто-то видел Рамиро, и, возможно, за ним уже пришли, чтобы увести...

– Тетя Амалия, тетя Амалия... – откройте дверь, это я, Канделария, жена Хусто, – донесся женский голос с улицы.

– Открой дверь, отец, это твоя золовка, Канделария, жена твоего Хусто, – сказала бабушка.

– Мой Дамиан! Пришел мой Дамиан. Он жив и невредим! – говорила женщина входя.

Она была женой Хусто Фернандеса Красного, брата деда. Ее старший сын, которого тоже звали Дамиан, только что пришел, и женщина хотела разделить эту радость со своей семьей. Она приятно удивилась, встретив только что при-

бывшего в дом Рамиро. И хотя это было неблагоприятно, Канделярия привела мужа и сына, а также принесла небольшое количество еды, которое смогла найти дома. Вместе с бабушкой они готовили для своих мужчин, радуясь, что по крайней мере их дети вернулись живыми с этой войны.

На следующий день Рамиро показал своему брат Дамиану советский пистолет, который все еще был у него. Они решили спрятать его в другом месте, не там, где закопали остальное оружие. Братья хорошо смазали его маслом и завернули в старые куски ткани и газеты. Ночью Рамиро и Дамиан взяли каждый по пустому кувшину и отправились в Кокон за водой. Прибыв на место, они спрятали кувшины в розмарин и продолжили подниматься вверх по горе. Братья скрылись в темноте ночи и закопали пистолет под кустом эспарто. Затем они вернулись в Кокон, наполнили кувшины водой и возвратились домой. Прошли годы, братья потеряли память, а советский пистолет все еще зарыт в горах под надежной защитой кустов эспарто.

Рамиро был уже больше месяца в Эль-Рольо, когда встретился с солдатским патрулем, идущим из Сеехина. Паренёк нес за спиной вязанку дров с горы и направлялся домой. Сержант попросил у него документы и спросил, что он несет. Не довольствуясь очевидным, он приказал Рамиро снять вязанку дров, чтобы его солдаты перевернули ее. Кто знает, может быть, он так замаскировал оружие. Возвращая юноше документы, сержант сказал...

– Так, так, значит, вы были на фронте... Это свидетельство о возвращении уже бесполезно, потому что вы в своем городке. Вы должны предстать в Сеехине перед Военной комиссией, чтобы получить окончательное одобрение.

– Ну, я думал, что этого уже достаточно...

– Так вот, не достаточно. Скажите мне свое имя и место жительства. Если вы не появитесь в течение трех дней, за вами придут... Понятно?

– Да, да, ясно, – ответил Рамиро, немного нервничая.

На следующий день он предстал в Сеехине перед Военной комиссией, расположенной в господском доме в старой части города. На улице стояли люди, ожидающие своей очереди. Рядом был охраняемый солдатами грузовик, в прицепе которого сидели несколько человек со связанными руками.

Комиссия вела приём на входе в дом, также охраняемом несколькими солдатами. Допросы проводил один лейтенант. Ему помогал сержант, оказавшийся в данном случае тем же самым человеком, который накануне попросил документы у Рамиро. Рядом с ними был Пако Портильщик Девок.

Пако держал бар-таверну, куда навевывались самые разные люди. Он был очень известен в городке, и во время войны никто бы не сказал, что он поддержит восстание, наоборот, ему нравилось общаться с социалистами, коммунистами и республиканцами всех мастей. Однако Пако сразу же стал служить новой власти. Портильщик Девок давал сведения о людях, предстающих перед Комиссией. Военные никого не

знали в городке, и им нужен был кто-то, кто был бы знаком с его жителями.

Пако звали Портильщиком Девок, потому что с юности он бахвалился тем, что, как и Дон-Жуан, специализировался на лишении девственности молодых девушек. Затем в баре, будучи тем еще грубияном, он любил говорить:

– Вчера, я протаранил дочь одного мужика из района Кальварио (или в Бульясе, или в Эль-Эспаррагале...)

– Портильщик Девок, однажды кто-нибудь тебя поколотит за твое нахальство...

– Э, следи за языком! Я ведь никого не назвал. Я говорю о грехе, но не называю грешницу.

Когда закончилась война, Пако Портильщик Девок сменил тактику, и ему вздумалось рассказывать о том, что он считал политическими грехами соседей. Когда кто-то приходил в Военную комиссию, он сообщал лейтенанту обо всей подноготной человека или просто вмешивался в разговор:

– Слышь, да ты же состоял в ВСТ¹⁷ еще до войны... К тому ж ты ушел добровольцем.

Подобные заявления были очень опасны. Они могли означать расстрел или долгие годы в тюрьме. Придя, Рамиро с улицы заглянул внутрь и увидел Портильщика Девок, сидящего рядом с лейтенантом... Как же ему не повезло: этот мужик был знаком со всей семьей Рамиро и знал, что он, как и Дамиан, состоял в Объединенной молодежной социалисти-

¹⁷ ВСТ – Всеобщий союз трудящихся.

ческой организации и несколько раз порывался уйти добровольцем в начале войны. Рамиро думал о том, как скверно все складывается для него, когда на улицу вышел один парень из Сеехина, с которым он был знаком с войны.

– Как дела, Фулхенсьо, ты уже покончил с этим?

– А, Рамиро, это ты... Ну, да, я уже покончил, но мне сказали, чтоб я ждал у двери. Парень уже заканчивал фразу, когда вышел сержант и рукой позвал двух солдат.

– Этого в грузовик... – сказал он, указывая на Фулхенсьо.

– Что? Ведь я ж ничего не сделал. Должно быть это ошибка, черт побери, сержант ошибается, ведь я ничего не сделал...

– Цыц, или я тебе всыплю. В грузовик, и без разговоров мне. Не бойся, на хрен, только поедешь в тюрьму, пока не прояснится пара вопросов. Ежели ты ничего не сделал, ты не должен бояться.

Парень промолчал. Он был бледен от страха и направился в грузовик, не сопротивляясь. Прежде чем посадить его туда, ему связали руки веревкой из эспарто.

Те, кто ждал у двери, были напуганы. Их обуял страх. Никто не хотел входить. Они услышали голос сержанта, который приглашал следующего, но все смотрели друг на друга, и никто не входил.

– Следующий, черт возьми! Мы что здесь будем весь день торчать? Так, солдат, приведите следующего.

Один из солдат, который охранял домину, подошел к

группе, схватил первого, кто встретился ему на пути, и, во-
лоча, сопровождал до стола.

– Да ладно, мужик, не бойся, – сказал лейтенант. – Ска-
жите мне ваше имя и в какой организации вы состояли.

– Ну, меня звать Хуан Мария... и я состоял... ну... в...
НКТ.

– Как долго? – спросил лейтенант.

– Да с начала войны до 1937 года или около того.

– Нет, нет, нет, нет... этот хочет быть умнее всех, – сказал
Пако Портильщик Девок. Насколько я знаю, Хуан Мария, ты
состоял в НКТ задолго до начала войны.

– Ну, дело в том что... дело в том... ну, у меня было удо-
стоверение еще раньше, но я не платил взносы, не ходил на
собрания и ничем там не занимался. Просто меня обязали
вступить в профсоюз, когда я работал на шахтах в Хилико,
но, по сути, это не имело никакого значения...

– С каких пор? – спросил его лейтенант.

– Ну с 1925 года или около того.

От полученного по лицу удара лейтенанта Хуан Мария
упал на пол навзничь. Сержант поднялся и начал пинать его
ногами. С удовольствием к нему присоединился Портиль-
щик Девок. Бедный мужик кричал и закрывал голову рука-
ми.

– Этот козел был одним из первых революционеров, кото-
рые во всем виноваты, которые побуждали людей делать глу-
пости... Давай с ним в грузовик. Этот сукин сын еще узнает

что почем, – сказал лейтенант, стараясь не казаться слишком возбужденным.

Вошли еще два солдата. Пока один держал беднягу, другой связывал Хуану Марии руки. Все втроем они подняли его и отвели в грузовик.

– Следующий, быстро! – приказал сержант.

– Пока они решаются войти, я пойду отолюю, – громко сказал Портильщик Девок, которого, должно быть, замучила простата.

Действительно, люди, стоящие в дверях, стали канителиться. После того, что произошло, никто не хотел входить. Рамиро, услышав, что сказал трактирщик, и увидев, как он поднялся и направился внутрь здания, не стал думать дважды. Парень решил воспользоваться случаем, пока тот молчал. Рамиро в три шага оказался около стола, за которым сидели лейтенант и сержант.

– Я пришел в Комиссию, потому что мне вчера вручил повестку сержант... – сказал Рамиро, осознавая, что не знает ни имени, ни фамилии военного.

– Медина, сержант Медина, – добавил лейтенант.

– Мне нравится, солдат, что вы дисциплинированы. Вы начали очень хорошо. Достаньте свидетельство о возвращении, которое показали мне вчера, – приказал сержант.

– Как вас зовут, в какой части вы служили и с каких пор? – спросил лейтенант.

– Меня зовут Рамиро Фернандес Валера. Я служил в сме-

шанной бригаде номер XXX Войска Эстремадуры с марта 1938 года до конца марта этого года.

– Вы ушли добровольцем?

– Нет, господин, я ушел по призыву моего возраста.

– Вы имели какое-то звание в войске?

– Нет, да что вы, я простой солдат.

– Вы состояли в какой-нибудь политической организации в своем городе или на службе?

– Нет, господин, ни в какой.

– Что вы делали в концентрационном лагере?

– Ну, мы занимались тем, что собирали пшеницу и ячмень в полях по соседству, чтобы обеспечить едой армию.

– Ладно, парень, достаточно, мне симпатичны именно такие люди, которые говорят правду не задумываясь, – подбодрил его сержант. – Ты мне понравился еще вчера, когда мы встретились.

– Посмотрим, – сказал лейтенант, взяв слово. – Свидетельство о возвращении в порядке, но оно вам уже не годится, потому что, среди прочего, послужившее вам гарантией поручительство подписал господин из другого города, некий Педро Хименес Манчеганос из Сьесы. Необходимо, чтобы вам дали другое поручительство по месту жительства, коим является Эль-Рольо. И это все. Живите спокойно. Договорились?

– Так точно, мой лейтенант, завтра же я пойду в Эль-Рольо, чтобы мне сделали там поручительство.

– Ну, когда оно у вас будет, зайдите, и мы вынесем окончательное решение. Можете идти, – закончил разговор лейтенант.

– Так точно, – сказал напоследок Рамиро, поворачиваясь и быстро выходя оттуда до того, как вернется Портильщик Девок.

В этот раз парень чудом избежал отправки в тюрьму Мурсии или чего-нибудь похуже. Но это было не последнее испытание, которое ему оставалось пройти.

Глава V

Амалия Хесус Валера

Дочь Рамиро Валеры, бабушка Амалия Хесус Валера, родилась в начале века. Прадед оставил ей в наследство несколько таулей семейных земель. Большинство из них были суходолом, и на них, как почти на всех землях в Эль-Рольо, выращивались пшеница, ячмень и виноград. На скудных поливных таулях выращивались овощи.

В Эль-Рольо было мало орошаемых земель, к тому же процесс использования воды всегда вызывал конфликты между соседями. Основным источником был ручей Уртадо, впадающий в реку Кипар. Но его воды были мелкими и нерегулярными, и на них не распространялся никакой режим управления.

Тот, кто первым построил свою земляную насыпь – так сельские работники Эспартании называют небольшие отводные перегородки из земли, возводимые ими с помощью мотыги, – и был первым, кто поливал. Но, если вода надолго задерживалась в верхнем течении, у поливальщиков вниз по течению ручья возникали проблемы. Часто ночью или во время сиесты перегородки разрушались неизвестными. Если авторы устанавливались, то это вызывало недовольство и приводило к стычкам. Тем не менее кровь никогда не попа-

дала в реку, и соседи всегда находили способ понять друг друга. Их было мало, и они были обречены жить вместе.

В первые послевоенные месяцы некоторые соседи решили не давать воду из ручья деду, который вынужден был изворачиваться, чтобы иметь возможность орошать землю. Однажды ночью дядя Рамиро в сопровождении своего брата Антона вышел с намерением поливать, несмотря ни на что. Долго виляя по землям суходола и по горам, чтобы их не заметили, они добрались до семейных земель и соорудили небольшие отводные перегородки, которые позволили бы им привести воду к сухой земле, когда она подошла. Потом парни направились к землям вверх по ручью и разломали все перегородки, возведенные собственниками земель, которые отказывались давать им воду. Братья поливали почти до рассвета, затем сломали свою собственную перегородку и дали воде в ручье течь вниз по течению в направлении реки Кипар. Возвращаясь домой, снова идя в обход по склонам суходола, они случайно натолкнулись на выводок куропаток, которые испуганно взлетели, устроив такой шум и гам, что Рамиро и Антон были вынуждены вернуться по своим следам и направиться в глубь гор, где легли спать под покровом кустов эспарто. Они вернулись домой уже днем с несколькими вязанками сухих дров, служащих им алиби в ответ на вопросительные взгляды.

Любопытно, что в отношении родников, используемых для полива орошаемых земель, был установлен режим поль-

зования и потребления воды, со своей очередностью и своим объемом. Большинство родников стекали в пруды, где хранилась и откуда распределялась эта ценная жидкость.

В редкие годы земли суходола давали нормальный урожай, но, как правило, они производили мало. Дед, с юности работающий подёнщиком и шахтером, вдобавок еще возделывал и семейные участки, те, которые он и бабушка получили в наследство. Однако Красному работа на шахте нравилась больше. К тому же она давала семье более стабильный доход и помогала прожить, если удача отворачивалась, когда подводили погодные условия, от которых каждый год зависел урожай. По мере того как дети становились старше, они тоже начинали заниматься землей.

* * *

Бабушка Амалия Хесус родилась с даром. Она снимала сглаз. Люди, имеющие дар, должны были соответствовать хотя бы одному из следующих условий: плакать в животе у матери или родиться в Святую пятницу. Амалия Хесус также лечила телесные боли и душевные раны, но не была знахаркой. Когда к бабушке приходили люди с просьбой вылечить их, и она не в силах была изгнать боль, то четко говорила:

– Мне жаль, но это не ко мне. Я не могу вам помочь.

Дед и дети никогда не верили в сглаз, и никто из них не относился серьезно к способностям бабушки. Им казалось

чем-то естественным, что она успокаивала их боль и рабочие травмы массажем с эссенциями из диких горных трав или лечила их внутренние боли настоями из других растений. Но они не верили в силу сглаза из-за своих принципов, говорили, что все это суеверия. На самом деле, это был отказ от того, что они считали отсталостью или невежеством. Им казалось, что они принадлежали к миру Разума, который, впрочем, тоже является мифическим.

Однако люди из соседних районов приходили к бабушке с детьми и семьями, чтобы она сняла с них сглаз и вылечила другие болезни и травмы. Когда кто-то обращался к ней за помощью, бабушка всегда провожала его в комнату, которую использовала для этого занятия. Затем она проверяла, был ли на самом деле наложен сглаз на того человека, который просил о помощи. В качестве средства проверки служило чистое оливковое масло, смешанное в стакане с другими, только ей известными ингредиентами.

После обряда и соответствующих молитв, по прошествии нескольких минут, она сообщала своим пациентам результат. В случае, если подтверждалось наличие сглаза, бабушка читала им несколько молитв, продолжала проводить необходимый ритуал, и сглаженный человек выходил из дома очищенным и практически здоровым.

Но не всегда наличие сглаза подтверждалось, и в таком случае нужно было искать причину недуга и лечить его. Именно тогда бабушка говорила тому, кто к ней обратил-

ся, что она не может помочь и ему надо идти к городскому врачу, или, напротив, рекомендовала чай, массаж или паровые ванночки с определенными растениями, которые росли в ближайших полях и горах.

Бабушка не брала никаких денег за лечение. Она никуда не ходила и не обходила сельские земли в поисках «пациентов». Ее слава понемногу росла, и люди в поисках помощи по своей инициативе приходили в дом дедушки и бабушки. Амалия Хесус никогда ничего у них не просила взамен. Они оставляли свою благодарность при выходе, на находящемся у двери месте для хранения кувшинов или рядом с ними. Каждый сколько мог. Люди оставляли самые разные вещи: свежие яйца, несколько литров коровьего молока, петуха или курицу, кролика, несколько селеминов пшеничной муки, рис «бомба» из Каласпарры, картофель. Когда приходила какая-нибудь богатая сеньора из Бульяса, Сеехина или Караваки, чтобы бабушка сняла сглаз с ее детей, то она оставляла деньги. Но поскольку бедным нужно было мало для жизни, богатые сеньоры оставляли мало денег, зачем же давать больше, если те их не тратили.

Бабушка могла предсказывать некоторые события, которые произойдут в ближайшее время. Как будто она «чувствовала» будущее. К тому же Амалия Хесус знала внутренний порядок вещей, и общалась с предметами, с их духом, с их сущностью, как она говорила. Бабушка разговаривала с деревьями, растениями и животными. Она утверждала, что

все было живое, даже камни. У всего был свой внутренний порядок, который, в свою очередь, был связан с внешним миром и составлял с ним единое целое. С тем внутренним порядком бабушка общалась на особом языке, говоря тихим голосом, таким тихим, что едва ли можно было уловить что-то, кроме ритмического шепота.

Этот особый язык имел лечебную силу во многих случаях. Бабушка говорила, что она помогает устанавливать связь между двумя мирами, внутренним и внешним, а также восстанавливать нарушенную гармонию. Так, например, Амалия Хесус снимала зубную боль, «разговаривая» с зубами. Когда приходил кто-то с зубной болью, бабушка сажала его на низкий камышовый стул, а сама располагалась очень близко, но с противоположной стороны от той, которая болела. Она складывала руки в форме рупора между ртом и лицом и говорила прямо с зубами в течение некоторого времени, которое порой казалось бесконечным, затем пересаживалась и начинала тот же ритуал с другой стороны лица, где сначала и была боль. Когда бабушка заканчивала ритуал, зубная боль к этому времени уже проходила и лишь в редких случаях возвращалась. Никто никогда не знал, о чем Амалия Хесус разговаривала с зубами, что именно она им говорила, но результат был таким очевидным, что за несколько лет бесчисленное количество людей прошло через дом бабушки, чтобы она вылечила у них зубную боль, разговаривая с зубами.

Когда Амалия Хесус гуляла по полям или по горам, собирая свои травы, она передвигалась, не касаясь земли. Казалось, бабушка летала в пяти сантиметрах над поверхностью. Бесшумная и быстрая, она не сдвигала ни один камень, не спугивала ни одно животное. Амалия Хесус все время молилась, чтобы защитить природу, которой наносила урон. В горах она никогда не срывала никакое растение с корнем, чтобы не уничтожить его.

Бабушка называла всех своих внуков по имени, хотя их было много, всегда добавляя при этом ласковое обращение «голубок».

– Антонио, голубок, возьми еду, – говорила она, одновременно протягивая руку с большим ломтем испеченного ею хлеба, хорошо смоченного зеленым оливковым маслом.

Амалия Хесус всегда носила черное. У нее было круглое личико, совсем без морщин, очень белое. Несмотря на жизнь в сельской местности, она была из тех, кто предпочитал защищаться от солнца. Бабушка говорила, что женщины должны сохранить свою кожу белой, в противном случае солнце слишком быстро их старило. Как за ней, так и за дедом были закреплены особые места в доме. Они всегда садились на одни и те же места за столом или рядом с камином, стараясь никогда не посягать на пространство других. У бабушки были длинные волосы, очень длинные и седые, все седые. Каждый день она их долго расчесывала, иногда сама, а иногда ей помогала тетя Мария или какая-нибудь другая женщина

в доме. Амалия Хесус натирала волосы эссенциями диких растений, которые сама готовила, потом собирала в тугий пучок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.